

Несущий огонь

Автор:

Бернард Корнуэлл

Несущий огонь

Бернард Корнуэлл

The Big Book. Исторический роман Саксонские хроники #10

Во всей средневековой Британии не найдется более доблестного воина, чем Утред. Одаренный и опытный полководец, он пролил много крови ради сильных мира сего, но теперь, когда английские королевства заключили перемирие, пришло время повоевать за собственные идеалы. С давних пор Утредом владеет одна мечта: вернуть свое родовое гнездо – крепость Беббанбург, которую отняли у него вероломством. Как утверждает молва, эту великую твердыню можно взять лишь с помощью предательства или измором, – и вот к стенам крепости стянуты немалые воинские силы. Предвкушение победы пьянит уверенного в себе и своей армии Утреда, но нежданное вторжение нового врага, могущественного шотландского короля, меняет его планы... Шаткий британский мир грозит обернуться очередной кровопролитной войной.

Десятый роман из цикла «Саксонские хроники».

Впервые на русском языке!

Бернард Корнуэлл

Несущий огонь

Bernard Cornwell

The Flame Bearer

© Bernard Cornwell, 2016

© А. Л. Яковлев, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

«Несущий огонь» посвящается Кевину Скотту Каллахену (1992–2015)

Wyrd bi? ful ar?d – судьбы не избежать

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским» или «Кембриджским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда – 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Альба – королевство, занимавшее территорию большей части современной Шотландии

Бebbанбург – Бамбург, Нортумберленд

Бейна – река Бейн

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Вавен – река Уэйвени

Виир – река Уир

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Гевэск – залив Уош

Гируум – Джерроу, графство Тайн и Уир

Годмундсестр – Годманчестер, Кембриджшир

Гримесби – Гримсби, Линкольншир

Дамнок – Данвич, Суффолк (теперь по большей части затоплен морем)

Дунхолм – Дарем, графство Дарем

Кайр-Лигвалид – Карлайл, Камберленд

Кокедес – остров Кокет, Нортумберленд

Контварабург – Кентербери, Кент

Ледекестр – Лестер, Лестершир

Линдисфарена – Линдисфарн (Священный остров), Нортумберленд

Линдкольн – Линкольн, Линкольншир

Лунден – Лондон

Мельдунсбург – Малмсбери, Уилтшир

Сестер – Честер, Чешир

Сирренкастр – Сайренсестер, Глостершир

Страт-Клота – Стратклайд, Шотландия

Стэнфорд – Стамфорд, Линкольншир

Суморсэт – Сомерсет

Тинан – река Тайн

Уз – река Уз (Оуз), Нортумбрия, а также Грейт-Уз, Восточная Англия

Хамбр – река Хамбер

Хорнкастр – Хорнкасл, Линкольншир

Хунтандон – Хантингдон, Кембриджшир

Эофервик (датское название Йорвик) – Йорк, Йоркшир

Этандун – Эдингтон, Уилтшир

Этгефрин – холм Иверинг-Белл, Нортумберленд

Часть первая. Король

Глава первая

Эта история начиналась с трех кораблей.

Теперь было четыре.

Прибытие трех драккаров к побережью Нортумбрии во времена моего детства привело к цепочке драматических событий: сначала погиб мой старший брат, а через считанные недели сложил голову отец; сразу после этого дядя похитил мои земли, а я стал изгоем. И вот теперь много-много лет спустя, я стоял на том самом берегу и наблюдал за прибытием четырех судов.

Шли они с севера, а все, что приходит с той стороны, не сулит ничего хорошего. Север присылает мороз и лед, норманнов и скоттов. Присылает врагов, которых у меня и без того хватало, поскольку я прибыл в Нортумбрию, чтобы отбить

Биббанбург. Прибыл убить своего двоюродного брата, занявшего мое место. Прибыл вернуть свой дом.

Биббанбург располагался южнее. Я не видел его стен с того места, где стояли наши кони, потому как обзор закрывали высокие дюны, но мог наблюдать, как свирепый ветер сносит на запад дым от горящих в крепости очагов. Дым тянуло вглубь материка; он смешивался с серыми облаками и полз в сторону темных Нортумбрийских гор.

Дул резкий ветер. Тянущиеся к Линдисфарене песчаные отмели опоясывала пена от разбивающегося о них прибоя. Вдали от берега бурлили волны с белыми барашками. Было пронзительно холодно. В Британии начиналось лето, но на нортумбрийском берегу еще орудовала острым кинжалом зима, и я радовался, что на мне плащ из медвежьей шкуры.

– Скверный день для моряков, – пробормотал Берг.

Это был один из младших моих дружинников, норманн, гордый своим умением обращаться с мечом. За минувший год его волосы стали еще длиннее и теперь спадали из-под шлема пышным конским хвостом. Однажды я видел, как сакс ухватил противника в бою за такую вот гриву, стащил с седла и проткнул копьем, пока длинноволосый все еще дергался на траве.

– Тебе надо подрезать волосы, – посоветовал я Бергу.

– В бою я их подвязываю! – возразил юнец. Потом кивнул в сторону севера. – Они разобьются! Слишком приблизились к берегу!

Четыре корабля следовали береговой линии, но старались держаться в море. Ветер стремился выбросить их на пляж, прижать к мели, ударить и разломать на части, но гребцы налегали на вальки, а рулевые удерживали штевни подальше от прибоя. Море кипело под носами у кораблей, обдавая брызгами их палубы. Боковой ветер был слишком сильным, чтобы поднимать хоть клочок ткани, поэтому тяжелые паруса свернули.

– Чьи они? – спросил мой сын, подведя коня ближе. Ветер развеивал его плащ и трепал хвост и гриву лошади.

– Откуда мне знать? – отозвался я.

– Ты раньше их не видел?

– Никогда.

Я знал большинство кораблей на нортумбрийском побережье, но эти четыре были для меня незнакомы. Высокие штевни и низкие борта выдавали боевые корабли, а не купеческие суда. На носу каждого красовалась звериная голова – язычники, значит. По сорок или пятьдесят человек, которые гребут, соревнуясь с бурным морем и жестоким ветром. Прилив усиливался, следовательно, мощное течение стремилось на север, а корабли, зарываясь увенчанными драконьими башками штевнями, пробивались на юг. Я смотрел, как очередной вал обрушился на корпус ближайшего драккара, и он наполовину исчез среди вспоротого волнорезом гребня. Известно ли им про мелководный канал, вьющийся за Линдисфареной и дающий укрытие? При низкой воде он хорошо различим, но во время прилива и обезумевшего под напором ветра моря проход скрывали пена и бушующие волны. И четыре корабля, не догадываясь об уютном канале, прошли мимо входа в него, спеша к ближайшей стоянке, обещающей им спасение.

Я развернул коня и повел свои шесть десятков вдоль берега. Гонимые ветром песчинки жалили лицо.

Я не знал, кто на кораблях, но догадывался, куда они идут. В Беббанбург. Я поймал себя на мысли, что моя цель внезапно еще осложнилась.

Нам потребовалось немного времени, чтобы достичь ведущего в Беббанбург пролива. Волны разбивались о берег и теснились в горловине гавани, устилая вход кипящей серой пеной. Вход этот был совсем не широк, и ребенком я частенько переплывал его, но не в разгар отлива. Одно из самых первых моих воспоминаний – тонущий мальчик, которого течение уносит в пролив. Звали его Эглаф, ему исполнилось лет шесть или семь. Он был сыном священника. Единственным сыном. Странно, как всплывают подчас имена и лица из далекого прошлого. Парень был небольшого роста, гибкий, темноволосый и веселый. Мой старший брат подбил его переплыть через канал, а потом хохотал, когда Эглаф исчез в толчее темных волн и белых гребней. Я заплакал и получил подзатыльник.

– Он был слабаком, – заявил брат.

Как презираем мы слабость! Только женщинам и попам дозволяется быть слабыми. Ну и еще, возможно, поэтам. Бедняга Эглаф погиб, потому что хотел казаться таким же смелым, как все мы, а в итоге доказал, что такой же глупый.

– Эглаф, – проговорил я, когда мы скакали по песчаной полосе берега.

– Что? – переспросил сын.

– Эглаф, – повторил я, не утруждаясь объяснениями, но подумал: люди живы, пока мы помним их имена. Какова эта жизнь, сказать не берусь: возможно, это призраки, плывущие среди облаков, или обитатели какого-то потустороннего мира. В Валгаллу Эглаф попасть не мог, поскольку умер не в бою, да и был, ясное дело, христианином. Значит, угодил в их рай, и оттого мне стало его еще жальче. Христиане утверждают, что в раю им предстоит возносить хвалу их пригвожденному богу! Все время – вечность! Каким же самовлюбленным богом надо быть, чтобы слушать безостановочное восхваление? Это навело меня на мысль о Барвульфе, одном танае из западных саксов. Тот платил четверем арфистам, и они славили в песнях его деяния на поле брани, а подвигов-то за ним числилось всего ничего. Барвульф был жирный, себялюбивый, алчный боров, а не человек – вот именно таким нравится слушать похвалы своей особе. Христианский Бог представился мне в виде толстого, надутого тана, который хандрит в своем зале для пиров и слушает лесть прихлебателей, лезущих из кожи.

– Они поворачивают! – крикнул сын, прервав ход моих мыслей.

Посмотрев налево, я увидел, как первый из драккаров заходит в канал. Фарватер тут шел по прямой, но неопытного корабельщика могло одурачить сильное приливное течение близ берега. Однако этому кормчему хватило ума предусмотреть такую опасность, и он удерживал длинный корпус судна на ровном курсе.

– Пересчитай людей на борту! – велел я Бергу.

Мы придержали коней на северном берегу пролива, где песок усеивали кучи почерневших водорослей, ракушек и выбеленных от воды деревьяшек.

- Кто это такие? - спросил у меня Рорик - мальчишка, мой новый слуга.

- Норманны, скорее всего, - ответил я. - Вроде тебя.

Я убил отца Рорика и ранил его самого в хаосе битвы с норманнами в Мерсии. Меня мучил стыд за нанесенную юнцу рану - ему было всего девять, когда я ударил его своим клинком Осиное Жало. Чувство вины побудило меня усыновить парня, как давным-давно Рагнар Старший усыновил меня. Левая рука Рорика зажила, хотя уже никогда не будет такой же сильной, как правая. Щит он держать мог и тем был счастлив. Мне он нравился.

- Норманны! - радостным эхом отозвался он.

- Похоже на то, - буркнул я.

Уверенности у меня не было, но кое-что наводило на мысль, что корабли эти принадлежат скорее норманнам, чем данам. Огромные звериные головы на носу были более живописными, а короткие мачты сильнее завалены в корму, чем у большинства датских судов.

- Не заходи слишком глубоко! - крикнул я Бергу, который завел коня по бабки в кипящее на отмели море.

Прилив с силой устремлялся в канал, волны были в белых барашках от ветра, но я смотрел не на них, а на противоположный берег, лежавший всего шагах в пятидесяти или шестидесяти от нас. На нем виднелась полоска песка, которая вскоре скроется под поднимающейся водой, дальше шли темные скалы, переходящие в высокие каменные укрепления, построенные после моего отца. В центре располагались морские ворота. Много лет назад, с ужасом ожидая моего нападения, дядя замуровал как нижние, так и верхние ворота, совместно выполнявшие роль главного входа в крепость. Зато построил морские ворота, добраться до которых можно было только на корабле или по узкой тропе, проходившей вдоль берега под обращенными к морю укреплениями. Со временем страх его поулегся, и, поскольку снабжать Беббанбург через одни ворота было неудобно и затруднительно, дядя снова открыл пару южных ворот,

но и морские оставил. За ними крутая тропинка взбиралась к калитке, прорезанной в бревенчатом частоколе, окружающем всю продолговатую вершину скалы, на которой когда-то возвели Беббанбург.

На боевой площадке верхнего частокола собрались люди. Они махали – не нам, а приближающимся кораблям, и я даже слышал их приветственные крики, хотя, может быть, мне это просто померещилось.

Зато копье не померещилось. Кто-то метнул его с частокола, и я наблюдал за полетом черного древка на фоне темных облаков. На удар сердца оно словно зависло, а затем устремилось вниз, как падающий на добычу сокол, и с тяжелым стуком вонзилось в плещущуюся на отмели воду шагах в четырех или пяти от лошади Берга.

– Дай мне его, – велел я Рорику.

Теперь с укреплений слышались насмешки. Пусть копье упало с недолетом, бросок все равно получился хорош. Прилетели еще два копья, и оба бесцельно плюхнулись в воду посреди канала. Мальчишка принес первое.

– Опусть острие пониже, – распорядился я.

– Ниже?

– К самому песку.

Я спешил, приподнял край тяжелой кольчуги, расшнуровал штаны и прицелился.

– Держи ровно, – приказал я Рорику. Затем, удостоверившись, что люди на носу у передового корабля смотрят, помочился на острие. Мой сын хмыкнул, Рорик хохотнул.

– А теперь дай сюда, – велел я мальчишке и принял из его рук ясеневое древко.

Первый из кораблей уже вошел в канал, волны с шипением разбивались о его корпус, а гребцы наваливались на весла. Высокий штевень, увенчанный

драконьей башкой с разинутой пастью и горящими глазами, реял над белопенным морем. Я отвел руку и еще чуть выждал. Трудный бросок, осложненный сильным ветром и тяжестью медвежьего плаща, тянущего руку вниз. Но времени скидывать тяжелый мех не было.

- Вот! - взревел я, обращаясь к кораблю. - Это проклятье Одина!

И метнул копье.

С двадцати шагов.

Облитое мочой острие угодило именно туда, куда я метил, - в драконий глаз. Древко дрожало, когда корабль пронесся мимо нас, влекомый приливом, и вошел в спокойные воды просторной и неглубокой гавани, укрытой от бури большой скалой, на которой стояла крепость.

Моя крепость. Беббанбург.

Беббанбург.

С того самого дня, как я осознал, что замок у меня украли, я мечтал вернуть свой дом. Похитителем был дядя, а теперь его сын, дерзнувший назваться Утредом, удерживал эту великую твердыню. Молва утверждала, что взять ее можно лишь с помощью предательства или измором. Могучая крепость, построенная на высокой скале, почти острове, соединенном с сушей узким перешейком. Мое наследство.

Однажды я едва не отбил форт. Провел своих людей через нижние ворота, но верхние успели в последний момент закрыть, и потому мой двоюродный брат до сих пор правил мощной крепостью близ бурного моря. Над ней развевалось его волчье знамя, и его дружинники насмеялись над нами со стен, когда мы повернули прочь, а четыре корабля прошли по фарватеру и обрели безопасный приют в мелководной гавани.

- Сто пятьдесят воинов, - доложил мне Берг. А потом добавил: - Я так думаю.

– А также женщины и дети, – вставил мой сын.

– И это означает, что они намерены остаться, – пробормотал я. – Кем бы они ни были.

Мы обогнули северный край гавани, где пляж затянуло дымом костров, на которых люди кузена коптели сельдь или вываривали соль из морской воды. Эти крестьяне попрятались теперь по домишкам, приютившимся у материкового берега гавани. Они боялись нас и приплывших кораблей, что бросили якорь среди рыбацких лодок, переживавших штормовой ветер в безопасных водах Беббанбурга. В одной из крытых соломой хижин залаяла собака, но ее тут же заставили замолчать. Я проскакал между двух домов и поднялся на склон за ними. Наше появление распугало коз, а пастушка, девчушка лет пяти или шести, разревелась и закрыла лицо ладонями. С невысокого гребня я смотрел, как команды четырех кораблей тянутся к берегу с тяжелыми тюками на плечах.

– Мы можем перебить их при выходе на сушу, – предложил сын.

– Теперь уже нет, – ответил я, указывая на нижние ворота, перегораживающие узкий перешеек, что вел к форту. Из-под украшенной черепами арки появились всадники и галопом устремились к гавани.

Берг хмыкнул и указал на ближайший корабль:

– Господин, твое копьё еще там!

– Удачный получился бросок, – с усмешкой согласился сын.

– Не в удаче дело, – возразил Берг. – Один направлял это оружие.

Благочестивый был молодой человек.

Всадники посылали прибывших по морю воинов к деревенским хижинам, а не к могучей крепости на высокой скале. Команды складывали кучами свои пожитки на берегу; затем наступил черед связок копий, кип щитов, секир и мечей. Женщины переносили на пляж маленьких детей. Ветер доносил обрывки разговоров и смеха. Вновь прибывшие явно собирались задержаться. Как бы с

целью показать, что теперь это их земля, один из мужчин поднял на берегу флаг, воткнув древко в гальку. Холодный ветер развернул полотнище; знамя было серое.

- Что на нем изображено? - спросил я.

- Драконья голова, - ответил Берг.

- Кто у нас ходит под драконьей головой? - поинтересовался сын.

- Никто из моих знакомых. - Я пожал плечами.

- Вот бы поглядеть на дракона, - с тоской пробормотал Берг.

Не знаю, существуют ли драконы на самом деле. Я ни одного не видел. Отец рассказывал, что они обитают в высоких горах и питаются коровами и овцами, но Беокка, отцовский поп и мой детский наставник, был уверен, что драконы спят глубоко под землей.

- Это создания Сатаны, - говорил мне он. - Они прячутся в недрах, дожидаясь конца света. А когда трубы небесные возвестят о втором пришествии Христа, драконы подобно демонам вырвутся из-под земли! И нападут! Их крылья закроют солнце, дыхание опалит землю, изрыгаемый ими огонь сожжет праведников!

- Значит, мы все умрем?

- Нет-нет-нет! Мы будем сражаться с ними!

- Да как же можно сражаться с драконом? - изумился я.

- Молитвой, мальчик. Молитвой.

- Значит, мы все умрем, - сделал я вывод, и Беокка отвесил мне подзатыльник.

И вот теперь четыре корабля доставили в Беббанбург драконье отродье. Мой двоюродный брат знал, что над ним нависла угроза. Много лет он жил в безопасности под защитой неприступной крепости и нортумбрийских королей. Те короли были моими врагами. Чтобы напасть на Беббанбург, мне пришлось бы продираться с боем через Нортумбрию и бить армии данов и норманнов, которые объединились бы в стремлении защитить свои земли. Но теперь в Эофервике правил муж моей дочери Стиорры, а язычники Нортумбрии сделались моими друзьями. Поэтому я мог беспрепятственно проскакать от мерсийской границы до Беббанбурга. Целый месяц я пользовался этой свободой, чтобы вытаптывать пастбища кузена, разорять имения, убивать его вассалов, угонять скот и красоваться под стенами форта. Двоюродный брат не выступил против меня, предпочитая сидеть за внушительными укреплениями. Теперь к нему подоспели свежие силы. Воины, сносившие на берег щиты и оружие, наверняка были наняты для обороны Беббанбурга. До меня доходили слухи, что родич готов раскошелиться на таких людей, и вот мы наблюдали их прибытие. Теперь они здесь.

- Нас больше, - напомнил Утред.

В холмах к западу стояли лагерем две сотни моих людей, поэтому, действительно, дойди дело до боя, мы превзошли бы вновь прибывших числом, но только если кузен не выведет им на подмогу свой гарнизон. В общей сложности под его рукой оказалось четыре сотни копий, и жизнь моя воистину сделалась более трудной.

- Мы спустимся и встретимся с ними, - решил я.

- Спустимся?! - изумленно переспросил Берг.

Нас в тот день было всего шестьдесят, вдвое меньше, чем неприятелей.

- Надо выяснить, кто они такие, - объяснил я. - Прежде чем их перебить. Нужно соблюдать вежливость.

Я указал на согнутое ветром дерево:

- Рорик! Срежь с этого граба ветку и держи ее на манер флага. - Затем я повысил голос, чтобы все мои воины слышали: - Переверните щиты!

Я выждал, когда Рорик обзаведется корявой веткой, призванной стать символом мира, а мои дружинники с ворчанием развернут щиты так, что волчья голова окажется направленной к земле, затем тронул Тинтрега, моего темного скакуна, вниз по склону. Ехали мы не быстро, я хотел убедить пришельцев, что мы идем не с враждебными намерениями.

Новички выступили нам навстречу. Дюжина человек в сопровождении двух десятков всадников моего кузена двигалась по тропе через пастбище, на котором щипали чертополох крестьянские козы. Конных вел Вальдер, командир ближней дружины Беббанбурга. Я встречался с ним за две недели до этого. Он приехал в мой лагерь в западных холмах с горсткой людей под ветвью переговоров и с дерзким требованием убраться из владений моего двоюродного брата, пока нас не перебили. Я отверг предложение и посмеялся над Вальдером, но знал его как опасного и опытного вояку, закаленного в бесчисленных схватках с грабителями-скоттами. Как и я, он надел плащ из медвежьей шкуры, на левом боку висел тяжелый меч. На голове был железный шлем, увенчанный когтистой орлиной лапой. Серые глаза смотрели угрюмо с плоского лица воина, а широкий рот, прятавшийся в седой бороде, выглядел так, будто улыбка для него дело чуждое. На щите у него был намалеван тот же символ, что и у меня, – волчья голова. То был герб Беббанбурга, и я от него никогда не отказывался. Вальдер вскинул руку в рукавице, приказывая своим остановиться, и подвел лошадь на несколько шагов ближе ко мне.

– Ты пришел сдаваться? – поинтересовался он.

– Спросить, как тебя зовут, а то забыл, – сказал я.

– У большинства людей дерьмо льется из задницы, – парировал он. – А у тебя изо рта.

– А твоя мать через задницу рожала, – заявил я. – И ты до сих пор воняешь ее дерьмом.

Обмен оскорблениями был делом привычным. Нельзя встретиться с врагом и не унижить его. Сначала мы поливали друг друга ругательствами, затем кидались в бой. Впрочем, я сомневался, что сегодня дойдет до мечей. Но готовность к бою изображать требовалось все равно.

- Две минуты, - предупредил Вальдер. - Потом мы нападём на вас.

- Я пришел с миром. - Я кивнул на ветвь.

- Считаю до двухсот, - сказал Вальдер.

- Но у тебя всего десять пальцев, - заметил сын, и мои люди рассмеялись.

- До двухсот, - прорычал Вальдер. - А потом я засуну твою ветвь мира тебе в задницу.

- А ты кто такой? - Этот вопрос я обратил к человеку, который поднялся по склону и встал рядом с Вальдером. Я предположил, что передо мной вожак вновь прибывших. Это был рослый, бледный мужчина с копной рыжих волос, забранных наверх с высокого лба и спадающих на спину. Одет он был богато, на шее красовалось золотое ожерелье, на руках сверкали золотые же кольца. Пряжка пояса тоже была из золота, да и перекрестье эфеса меча играло отблесками этого металла. На вид ему было лет тридцать. Широкоплечий, с вытянутым лицом, совсем бесцветными глазами и с вытатуированными драконьими головами на щеках.

- Назовись! - потребовал я.

- Не отвечай! - рявкнул Вальдер. Он говорил по-английски, хотя вопрос я задал по-датски.

- Берг, - бросил я, не отводя взгляда от новичка. - Если этот дерьмоголовый ублюдок еще раз перебьет меня, считай это нарушением перемирия и убей его.

- Да, господин.

Вальдер окрысился, но язык прикусил. Мы пока превосходили числом, хотя с каждым потраченным на этом пастбище мигом подтягивалось все больше вновь прибывших, и все были со щитами и с оружием. Еще чуть-чуть, и перевес окажется на их стороне.

- Так кто ты такой? - повторил я вопрос.

- Мое имя Эйнар Эглисон, - гордо заявил он. - Меня называют Эйнаром Белым.

- Ты норманн?

- Да.

- А я - Утред Беббанбургский, - сообщил я ему. - Меня называют разными именами. Больше всего я горжусь прозвищем Утрэдэрв, то бишь Утред Нечестивый.

- Слышал я, что про тебя болтают, - сказал он.

- Ты обо мне слышан, а вот я о тебе - нет! Поэтому ты и приплыл - рассчитываешь прославить свое имя, убив меня?

- Да, - признал норманн.

- А если я тебя убью, Эйнар Эглисон, добавит ли это славы мне? - Я покачал головой, отвечая на свой вопрос. - Кто оплатит тебя? Кто тебя вспомнит? - Я плюнул в сторону Вальдера. - Эти люди заплатили тебе за мою смерть. Знаешь почему?

- Расскажи, - предложил Эйнар.

- Когда я был ребенком, они попытались убить меня, но им не удалось. Им никогда не удавалось. А знаешь почему?

- Расскажи, - повторил он.

- Потому что они прокляты, - заявил я. - Потому что они поклоняются пригвожденному Богу христиан, а тот им не помогает. Они презирают наших богов. - Я видел вырезанный из белой кости молот у Эйнара на шее. - Много-много лет назад, Эйнар Эглисон, я наслал на них проклятье Одина, навлек на них гнев Тора. И ты возьмешь их грязное золото?

- Золото, оно и есть золото.

– И я наслал точно такое же проклятие на твой корабль.

Он кивнул и коснулся белого молота.

– Или я тебя убью, или ты присоединишься к нам, – сообщил я Эйнару. – Я не сулю тебе золота за переход на нашу сторону, но предлагаю тебе кое-что получше – жизнь. Будешь сражаться за этого человека, – я вновь сплюнул в сторону Вальдера, – умрешь. Будешь сражаться за меня – останешься жив.

Эйнар молчал, только внимательно смотрел на меня. Я не был уверен, что Вальдер понял наш разговор, но его и не требовалось понимать. Он знал, что наши слова во вред его хозяину.

– Хватит! – рявкнул он.

– Вся Нортумбрия ненавидит этих людей. – Я не замечал Вальдера и обращался исключительно к Эйнару. – И ты хочешь разделить их судьбу? Если твой выбор – умереть вместе с ними, то мы возьмем золото, которое и есть золото и которое никогда не станет твоим. Оно будет моим. – Я перевел взгляд на Вальдера. – Ты уже закончил считать?

Он не ответил. Вальдер надеялся, что подойдет больше его воинов и у него окажется перевес, но нас все еще было примерно поровну, а затевать драку без уверенности в победе он не собирался.

– Молись своему богу, – посоветовал я ему. – Потому что твоя смерть близко. – Я прикусил палец и указал им на Вальдера. Он перекрестился, вид у Эйнара стал озабоченный. – Если ты не трус, жду тебя завтра у Этгефрина. – Я еще раз повторил жест пальцем, насылая проклятие, после чего мы двинулись на запад.

Когда человек не может сражаться, он должен проклинать. Богам нравится чувствовать свою необходимость.

Мы шли в сумерках. Небо затянули густые облака, почва раскисла после многодневных дождей. Скакали без спешки. Вальдер нас не преследовал, и я сомневался, что двоюродный брат примет вызов на битву под Этгефрином.

Теперь, заполучив на подмогу закаленных воинов Эйнара, кузен способен дать бой, но сражаться он будет на поле, выбранном им самим.

Путь наш лежал вдоль долины, постепенно поднимающейся к высоким горам. То была страна овец, богатая страна, но пастбища оказались пусты. Немногие фермы, мимо которых мы проезжали, стояли темные, из отверстий в крыше не вился дымок. Мы разорили здешние края. Я провел небольшое войско к северу, и в течение месяца мы терзали подданных моего кузена. Угоняли их отары, крали коров, жгли амбары, предавали огню рыбацьи лодки в маленьких гаванях к северу и югу от крепости. Людей не убивали, за исключением носивших герб моего родича и тех немногих, кто оказывал сопротивление, и рабов не брали. Мы проявляли милость, потому что в один прекрасный день этот народ станет моим. Вместо расправы посылали их искать пропитание в Беббанбург, где двоюродному брату придется кормить своих, в то время как все продовольствие, которое давала его земля, мы забрали.

- Эйнар Белый? - спросил мой сын.

- Никогда о таком не слышал, - презрительно бросил я.

- До меня доходила молва про Эйнара, - вставил Берг. - Это норманн, сопровождавший Гримдаля, когда тот входил на веслах в реки Белой страны.

Белая страна - это обширное пространство, лежащее где-то за владениями данов и норманнов; страна долгих зим, белых деревьев, белых равнин и темного неба. Говорят, там живут великаны и люди с мехом вместо одежды и с когтями, способными разодрать человека от пупа до хребтины.

- Белая страна... - проговорил мой сын. - Вот почему его называют Белым?

- Потому что он выпускает врагам всю кровь, пока те не побелеют, - объяснил Берг.

Я фыркнул, но все-таки коснулся висящего на шее молота.

- Он хорош? - осведомился сын.

– Он норманн, – гордо отозвался Берг. – Поэтому, само собой, это великий воин. – Юнец помолчал. – Однако у него есть и другое прозвище.

– И какое же?

– Эйнар Невезучий.

– Почему невезучий? – заинтересовался я.

Берг пожал плечами:

– У него корабли садятся на мель, жены умирают. – Он потрогал висящий на шее молот, чтобы перечисленные несчастья не коснулись его самого. – Но он все равно хороший воин и побеждает в битвах!

Невезучий или нет, но полторы сотни закаленных воинов-норманнов являются опасным подкреплением для Беббанбурга. Настолько опасным, что мой кузен определенно не хочет впускать норманнов в крепость из страха, что те скинут его и станут новыми хозяевами Беббанбурга. Вместо этого он разместил их в деревне и, в этом я не сомневался, вскоре снабдит лошадьми и отправит беспокоить мои силы. Люди Эйнара находятся здесь не за тем, чтобы оборонять стены Беббанбурга, но чтобы отогнать моих воинов подальше от этих укреплений.

– Они скоро придут, – сказал я.

– Они?

– Вальдер и Эйнар, – пояснил я. – Едва ли завтра, но скоро.

Мой двоюродный брат мечтает поскорее покончить с этим делом. Хочет, чтобы я умер. Золото на шее и на руках Эйнара – свидетельство того, что кузен раскошелился нанимая воинов, чтобы убить меня. Чем дольше эти воины бездействуют, тем дороже обходятся ему. Если не завтра, размышлял я, то точно на этой неделе.

– Господин, вон там! – воскликнул Берг, указывая на север.

На холме к северу от нас виднелся всадник.

Он стоял неподвижно и держал копье, острие которого было опущено. Какое-то время он наблюдал за нами, затем развернул коня и скрылся за гребнем.

– Третий за сегодня, – проворчал мой сын.

– Господин, вчера было два, – напомнил Рорик.

– Надо бы нам убить одного или парочку, – мстительно заявил Берг.

– Зачем? – возразил я. – Пусть кузен знает, где мы находимся, и придет под наши копья.

Всадники были разведчиками, и я полагал, что это кузен высылает их следить за нами. Они хорошо знали свое дело. Уже много дней окружали нас широкой петлей дозора, по большей части невидимого, но я-то знал, что он постоянно здесь. Как раз когда солнце скрылось за горами на западе, я заметил еще одного конного. Умиравшее солнце отбросило кроваво-красный блик от острия его копья, затем лазутчик скрылся в тени, направляясь к Беббанбургу.

– Двадцать шесть голов скота за сегодня, – доложил Финан. – И четыре лошади.

Пока я выманивал войско кузена из форта, Финан охотился за добычей к югу от Этгефрина. Захваченный скот отправляли по перегонной дороге в Дунхолм.

– Их захватили Эрлиг и его четверо ребят, – продолжил Финан. – Еще на юге замечены разведчики, всего парочка.

– Мы засекли других на севере и на востоке. И эти парни хороши, – буркнул я.

– Значит, теперь у него полторы сотни новых воинов? – с подозрением спросил Финан.

Я кивнул:

– Норманны. Все до единого наемники под началом человека по прозвищу Эйнар Белый.

– Выходит, еще один, кого предстоит убить, – отозвался Финан.

Он был ирландцем и старейшим из моих друзей, мой заместитель и товарищ по бесчисленным «стенам щитов». Волосы у него поседели, а лицо избородили морщины, но это я мог бы сказать и о себе. Я старел и очень хотел окончить свои дни в крепости, которая принадлежала мне по праву.

По прикидкам, на взятие Беббанбурга мне требовался год. Сначала, за лето, осень и зиму, я полностью отрежу подвоз в форт продовольствия, перебив или захватив весь скот, обитающий на широких равнинах и зеленых холмах. Разрушу зернохранилища, сожгу сенные сараи и пошлю корабли истреблять рыболовные лодки кузена. Погоню его перепуганных крестьян искать убежища за высокими стенами твердыни, и двоюродному брату придется кормить больше ртов из своего скудного запаса провизии. К весне гарнизон оголодает, а голодный человек слаб. И когда они доедут последних крыс, нанесу удар.

Таков, по крайней мере, был мой первоначальный расчет.

Мы строим планы, но судьбу нашу вершат боги и три норны, сидящие у подножия Иггдрасиля. Мой замысел строился на том, чтобы ослабить, измотать и в итоге перебить кузена и его людей, но *wyrd bi? ful ar?d*.

Не стоило мне об этом забывать.

Судьбы не избежать. Я надеялся выманить двоюродного брата в долину к востоку от Этгефрина, где мы окрасили бы кровью два бегущих там потока. Под Этгефрином спрятаться особо негде – только остатки оседлавшего вершину холма форта, одного из тех, что строили люди, жившие в Британии до прихода римлян. Земляные стены давно осели, но обмелевший ров еще окружал вершину. Здесь не было ни поселения, ни домов, ни деревьев – одна только просторная макушка холма под непрестанно дующим ветром. Неуютное место для лагеря. Хвороста не найти, а до ближайшего источника шагать полмили, зато обзор отсюда был отличный. Никто не мог подойти к форту незамеченным, и если кузен отважится послать войско, мы сразу обнаружим его, да и окажемся

в выгодном положении, выше неприятеля.

Он не пришел. Вместо него три дня спустя после моей стычки с Вальдером мы заметили приближающегося с юга одинокого всадника. То был низенький человек на низенькой лошадке, и облачен он был в развевающуюся на холодном и сильном морском ветру черную рясу. Незнакомец поднял голову, поглядел на нас и погнал своего недомерка к крутому склону.

– Священник, – заметил Финан кисло, – а это значит, что вместо драки они хотят поговорить.

– Думаешь, мой кузен послал его? – спросил я.

– А кто еще?

– Тогда почему он едет с юга?

– Это же священник. Он задницу-то свою не найдет, если его крутануть разок и пнуть для скорости.

Я пытался высмотреть разведчика, но никого не заметил. Их не видели вот уже два дня. Это наводило на мысль о замышляемой кузеном пакости, поэтому мы в тот день отправились к Беббанбургу, где и прикинули, нельзя ли самим устроить какую-нибудь каверзу. Люди Эйнара возводили новый частокол поперек ведущего к Беббанбургской скале песчаного перешейка. Норманны, похоже, строили новую внешнюю стену. Двоюродный брат опасался пускать их внутрь укреплений, поэтому они делали для себя убежище, которое нам придется брать прежде, чем мы сможем пробиться к нижним, а затем и к верхним воротам.

– Ублюдок зарывается в землю, – проворчал Финан. – И не собирается драться в поле. Хочет, чтобы мы умирали на стенах.

– У него теперь три пояса укреплений, – подтвердил я.

Нам предстояло преодолеть новый частокол, затем внушительные укрепления нижних ворот, и даже после этого останется могучая стена, прорезанная верхними воротами.

Новая стена не была худшей из новостей. По-настоящему у меня упало сердце при виде двух новых кораблей в гавани Беббанбурга. Один был боевой, поменьше тех четырех, за прибытием которых мы наблюдали, но, как и они, с драконьей головой Эйнара на стяге. Рядом с драккаром расположилось пузатое купеческое судно. Люди, шлепая по отмели, сгружали на берег бочки и складывали припасы на берегу прямо у нижних ворот.

- Эйнар доставил им еду, - уныло буркнул я.

Финан промолчал. Он понимал, что? я сейчас чувствую - отчаяние. У моего кузена прибавилось воинов и появился флот, способный снабжать гарнизон провизией.

- Теперь измором их не взять, - заключил я. - Пока эти ублюдки здесь.

И вот, когда солнце клонилось к закату, в Этгефрин прибыл священник. Я подозревал, что он привез издевательское послание от моего кузена. Посланник подъехал достаточно близко, чтобы я мог разглядеть длинные черные волосы, грязными патлами спадающие по обе стороны бледного испуганного лица, обращенного к нашим земляным валам. Поп замахал, очевидно ожидая сигнала, что его готовы встретить, но никто из моих воинов не ответил. Спешившись, священник слегка покачнулся. Осмотрелся и содрогнулся при виде зрелища, представшего его глазам. Он видел моих людей. Людей в кольчугах и коже. Людей суровых, с мечами. Никто не заговаривал с ним, мы просто ждали объяснений. Наконец поп нашел глазами меня, отметил золото у меня на шее и на предплечьях, приблизился и упал на колени:

- Это ты лорд Утред?

- Я лорд Утред.

- Меня зовут Эдиг. Отец Эдиг. Я искал тебя, господин.

- Я же сообщил Вальдеру, где меня найти, - отрезал я.

Эдиг недоуменно посмотрел на меня:

- Вальдеру?

- Ты ведь из Беббанбурга?

- Из Беббанбурга? - Он затряс головой. - Нет, господин. Мы приехали из Эофервика.

- Из Эофервика? - Мне не удалось скрыть удивление. - И кто это «мы»? Сколько вас?

Я посмотрел на юг, но других всадников не увидел.

- Господин, из Эофервика мы выехали впятером, но на нас напали.

- И ты один остался в живых? - с укором спросил Финан.

- Мои спутники задержали нападавших. - Отец Эдиг обращался ко мне, не к Финану. - Они хотели, чтобы я пришел к тебе. Им известно, что дело важное.

- Кто тебя послал? - спросил я строго.

- Король Сигтригр.

Сердце похолодело и сжалось. Короткий миг я не отваживался заговорить, боясь того, что сообщит священник.

- Сигтригр, - повторил я наконец, гадая, какая беда могла заставить моего зятя отправить посланца. Меня терзал страх за дочь. - Стиорра больна? Или дети?

- Нет, лорд. Королева и ее чада здоровы.

- Тогда...

- Господин, король велит тебе вернуться, - выпалил Эдиг, выудил из-под рясы пергамент и протянул мне.

Я взял измятый свиток, но разворачивать не стал.

– В чем дело?

– Саксы. Нортумбрия ведет войну. – Он все еще стоял на коленях и смотрел на меня снизу вверх. – Королю нужны твои воины. И нужен ты.

Я выругался. Беббанбургу придется подождать. Нам необходимо мчаться на юг.

Глава вторая

Выступили мы на следующее утро. За мной следовали сто девяносто четыре воина и десятка два мальчишек-слуг. Мы шли на юг под дождем и ветром, под тучами, черными, как ряса отца Эдига.

– С какой стати мой зять отрядил гонцом священника? – поинтересовался я у попа. Подобно мне, Сигтригр поклонялся древним богам, настоящим богам Асгарда.

– Господин, мы выполняем для него работу писарей.

– Вы?

– Священники. Нас шестеро таких, кто служит у короля Сигтригра. Мы записываем его указы и составляем хартии. Большинство... – Он стушевался. – Мы умеем читать и писать.

– А большинство язычников не умеет? – уточнил я.

– Да, господин.

Эдиг смутился. Он знал, что те, кто поклоняется старым богам, не любят, когда их называют язычниками, поэтому и замялся.

– Можешь называть меня язычником, – разрешил я. – Я горжусь этим.

– Да, господин, – выдавил поп.

– И этот язычник умеет читать и писать.

Я выучился грамоте, потому что вырос среди христиан, а христиане ценят письменность, считают ее вещью полезной. Король Альфред основал по всему Уэссексу школы, где мальчикам, когда их не заставляли учить буквы, не давали проходу монахи. Сигтригр, интересующийся, как саксы управляют Южной Британией, спросил меня однажды, не стоит ли и ему завести школы. Но я посоветовал ему учить ребят, как держать меч, щит, как пахать, скакать и разделывать туши. «А для этого школы не нужны», – сказал я ему.

– Он послал меня, – продолжал отец Эдиг, – потому как знал, что у тебя будут вопросы.

– На которые ты способен ответить?

– Насколько смогу.

В посланном Сигтригром пергаменте говорилось лишь о том, что силы западных саксов вторглись в Южную Нортумбрию и что мои воины нужны ему в Эофервике, и чем скорее, тем лучше. Под посланием стояла закорючка, которую вполне мог вывести мой зять, а еще оно было скреплено его печатью с секирой. Христиане твердят, что важное преимущество грамотного человека состоит в том, что он якобы способен определить, подлинное ли послание, при этом сами то и дело подделывают документы. В Вилтунскире есть один монастырь, где умеют изготавливать грамоты, которым по виду лет двести или триста. Монахи выскребают древние пергаменты, но оставляют старые буквы видимыми ровно настолько, чтобы новые слова, написанные поверх бледными чернилами, трудно было разобрать, и скрепляют фальшивой печатью. Во всех таких поддельных хартиях какой-нибудь древний король жалует Церкви ценные земли или доход от той или иной подати. Потом аббаты и епископы, заплатившие монахам за лживые документы, предъявляют грамоты в королевском суде, и какое-нибудь семейство выгоняют из родового гнезда, чтобы христиане могли богатеть дальше. Так что я согласен: умение читать и писать – действительно полезно.

– Войско западных саксов? – уточнил я у отца Эдига. – Не мерсийцы?

– Западные саксы. Их армия стоит под Хорнкастром.

– Хорнкастр? А это где?

– К востоку от Линдкольна, господин. На реке Бейна.

– Это во владениях Сигтригра?

– О да, господин. Неподалеку от границы, но это земли Нортумбрии.

Мне не приходилось слышать о Хорнкастре, и это наводило на мысль о незначительности городка. Важные поселения – это те, что стоят на римских дорогах, или превращенные с помощью стен в бурги, но Хорнкастр? Единственным приходившим в голову объяснением было то, что это удобное место для сосредоточения сил перед нападением на Линдкольн. Я поделился догадкой с отцом Эдигом, и тот усердно закивал.

– Верно, господин. И если мы не застанем короля в Эофервике, он приказал искать его в Линдкольне.

Это имело смысл. Если западные саксы намерены захватить Эофервик, столицу Сигтригра, им придется пройти на север по римской дороге и взять штурмом высокие стены Линдкольна, чтобы лишь затем выйти к Эофервику. Что не имело смысла, так это сама война. И откуда только она взялась?

Смысла в ней не было еще и потому, что между саксами и данами существовал мир. Сигтригр, мой зять, король Эофервика и всей Нортумбрии, заключил мирный договор с Этельфлэд Мерсийской и в качестве цены за мир уступил часть земель и бургов. Кое-кто презирал его за это, но Нортумбрия – слабое государство, а саксонские Мерсия и Уэссекс – сильные. Сигтригру, чтобы отразить грядущее нападение саксов – а о том, что оно неизбежно, он знал, – требовались время, люди и деньги.

Оно было неизбежным, потому что мечта короля Альфреда обращалась в явь. Я достаточно стар для того, чтобы помнить дни, когда даны владели большей

частью того, что ныне есть Англия. Они захватили Нортумбрию, подчинили Восточную Англию и заняли всю Мерсию. Гутрум Датчанин вторгся в Уэссекс, загнав Альфреда с горсткой людей в болота Суморсэта, но Альфред вопреки всему одержал победу при Этандуне, и с тех пор саксы шаг за шагом продвигались на север. Древнее королевство Мерсия уже оказалось у них в руках, а Эдуард Уэссекский, сын Альфреда и брат Этельфлэд Мерсийской, отвоевал Восточную Англию. Мечта Альфреда заключалась в том, чтобы объединить все земли, где говорят на языке саксов. И теперь из этих земель осталась одна Нортумбрия. Пусть между ней и Мерсией существовал мир, все мы знали, что нападение саксов неизбежно.

Рорик, мальчишка-норманн, отца которого я убил, прислушивался к нашему с Эдигом разговору.

– А мы на чьей стороне, господин? – нервно спросил он.

Я расхохотался. Родился я саксом, но вырос даном. Дочь моя вышла за норманна, мой лучший друг – ирландец, моя женщина – саксонка, мать моих детей была из данов. Я поклонялся языческим богам, но присягнул на верность христианке Этельфлэд. Так на чьей же я стороне?

– Все, что тебе нужно знать, малый, так это что сторона лорда Утреда всегда берет верх, – буркнул Финан.

Дождь перешел в ливень, превратив тропу, по которой мы следовали, в густое месиво. Капли падали с такой силой, что мне пришлось повисить голос:

– Так ты говоришь, что мерсийцы не вторглись?

– Насколько мне известно, нет, господин.

– Одни западные саксы?

– Похоже, что так.

И это было странно. Прежде чем Сигтригр занял трон в Эофервике, я пытался убедить Этельфлэд напасть на Нортумбрию. Она отказалась, сказав, что не

начнет войну, пока войска ее брата не будут сражаться вместе с ее воинами. Эдуард Уэссекский, ее брат, настаивал на этом. Он утверждал, что завоевать Нортумбрию способны только объединенные силы Уэссекса и Мерсии. А теперь вдруг выступил в одиночку? Мне было известно о существовании при дворе западных саксов партии, уверявшей, что Уэссекс способен покорить Нортумбрию без помощи мерсийцев, но Эдуард всегда отличался осторожностью. Ему хотелось заручиться поддержкой армии сестры. Я еще попытал Эдига, но тот был уверен, что мерсийцы не участвуют в нападении.

- Господин, по крайней мере, не участвовали, когда я покидал Эофервик.

- Все это просто слухи, - пренебрежительно отмахнулся Финан. - Кто знает, что происходит на самом деле? Мы можем притащиться туда и обнаружить, что это всего-навсего чертов набег за скотом.

- Разведчики! - крикнул Рорик.

Я подумал, он хочет сказать, что горстку разведчиков из западных саксов приняли по ошибке за вторжение, но мальчик указывал назад. Обернувшись, я увидел двух всадников, наблюдающих за нами с хребта холма. Их трудно было различить в дождевом мареве, но это определенно были они. Те же самые невысокие быстрые лошади, те же самые длинные копья. Мы не видели дозорных уже дня два, а сейчас они объявились снова и шли за нами.

Я сплюнул:

- Теперь мой кузен узнает, что мы уходим.

- Он будет счастлив, - буркнул Финан.

- Похожи на тех, кто напал на нас из засады, - пробормотал отец Эдиг, глядя на далеких разведчиков и осеняя себя крестом. - Их было шестеро, на быстрых конях и с копьями.

Сигтригр отрядил священника с вооруженной охраной, которая полегла, чтобы один Эдиг смог спастись.

– Это воины моего двоюродного брата, – пояснил я попу, – если мы их поймем, я дам тебе убить их.

– Я не стану делать этого!

Я нахмурился:

– Не хочешь отомстить?

– Я священник, господин, и не умею убивать!

– Если хочешь, могу научить.

Сомнительно, что я когда-нибудь пойму христианство. «Не убий!» – вещают попы и в то же время посылают воинов на битву против язычников, а то и против других христиан, если видят хотя бы призрачный шанс разжиться землями, рабами или серебром. Отец Беокка вбил мне в голову десять заповедей пригвожденного Бога, но я давно постиг главную заповедь христиан: «Обогащай попов своих».

Еще два дня разведчики шли за нами следом на юг, пока дождливым вечером мы не достигли стены. Стены! Много есть чудес в Британии: древний народ оставил загадочные кольца из камней, римляне строили храмы, дворцы и огромные дома. Но из всех чудес это укрепление удивляло меня больше всего.

Возвели все это, разумеется, римляне. Они сделали стену поперек Британии, прямым путем через всю Нортумбрию, от реки Тинан на восточном берегу Нортумбрии до Кумбрийского побережья Ирландского моря. Заканчивается она у Кайр-Лигвалида. Хотя множество камней растащили на строительство усадеб, большая часть стены сохранилась. И это не только стена, но и массивный каменный парапет, достаточно широкий, чтобы два человека в ряд могли шагать по нему. Перед стеной – ров и земляной вал, а за ним еще ров, а через каждые несколько миль стоит форт, подобный тому, который мы называем Вэлбириг. Цепь фортов! Я не считал, сколько их, хотя однажды проехал вдоль нее от моря до моря. И какие изумительные форты! С башнями, откуда часовые могли наблюдать за северными холмами, с цистернами для сбора воды, с казармами, конюшнями, кладовыми. И все это из камня! Помню, как мой отец нахмурился при виде стены, которая спускалась в долину и затем поднималась на холм, и

восхищенно покачал головой.

- И сколько же рабов потребовалось им, чтобы построить такое? - воскликнул он.

- Сотни, - ответил мой старший брат.

Полгода спустя он был мертв, отец передал мне его имя, и я стал наследником Беббанбурга.

Стена образовывала южный рубеж беббанбургских земель, и мой отец всегда держал два десятка воинов в Вэлбириге, чтобы собирать пошлину с путешественников, следующих по главной дороге, соединяющей Шотландию с Лунденом. Те люди давно сгинули, разумеется, когда даны завоевали Нортумбрию во время нашествия, которое стоило жизни моему отцу, а меня сделало сиротой со славным именем, но без владений. Без владений, потому что их украл мой дядя. «У тебя ничего нет, - рявкнул раз на меня король Альфред. - Лорд Ничего и лорд Нигде. Утред Безбожный, Утред Безземельный, Утред Безнадежный».

Он был прав, конечно, но теперь я стал Утредом Дунхолмским. Я захватил этот форт, когда мы разбили Рагналла и прикончили Бриду. Это могучий форт, почти такой же неприступный, как Беббанбург. И Вэлбриг отмечал северную границу владений Дунхолма, равно как и южный край Беббанбургского домена. Если бы форту дали другое имя, я бы знал. Мы называли его Вэлбриг, что просто означает «форт в стене». Он построен в том месте, где гигантское укрепление пересекает невысокий холм. Рвы со временем обмельчали, но сама стена оставалась крепкой. Здания стояли без крыш, но мы расчистили три из них от мусора, нарубили в лесу под Дунхолмом бревен на стропила и сделали новые кровли, покрыв их соломой. А потом соорудили убежище на вершине дозорной башни, чтобы часовые могли укрыться от дождя и ветра, пока смотрят на север.

Всегда на север. Я часто размышлял об этом. Не знаю, сколько минуло лет с тех пор, как римляне покинули Британию. Отец Беокка, наставник моего детства, говорил, что прошло пять с лишним веков, и возможно, он прав. Но даже в те незапамятные времена часовые смотрели на север. Всегда на север, в сторону скоттов, которые уже тогда причиняли не меньше хлопот, чем сегодня. Помню, как проклинал их мой отец и как попы возносили к пригвожденному Богу молитвенные просьбы усмирить их. Меня это всегда сбивало с толку, потому как

скотты тоже христиане. В восемь лет отец взял меня в предпринятый в отместку набег за скотом в Шотландию. Мне запомнился городок в привольной долине, женщины и дети которого набились в церковь.

- Не трогай их! - велел отец. - Они в священном убежище!

- Но это же враги! - возмутился я. - Разве нам не нужны рабы?

- Это христиане! - отрезал он.

И мы угнали их косматых коров, спалили большую часть строений и поехали домой, забрав черпаки, вертела, горшки и вообще почти все, что можно было переплавить в нашей кузнице, но в церковь не вошли.

- Потому что они христиане, - снова напомнил отец. - Неужели ты не понимаешь, бестолковый мальчишка?

Я не понимал. А затем, ясное дело, пришли даны и стали громить церкви, чтобы забрать серебро в алтарях.

- Как это любезно со стороны христиан, - со смехом сказал как-то Рагнар. - Они собирают все свои богатства в одно здание, да еще помечают их большим крестом! Это так облегчает жизнь.

Так я получил урок, что шотландцы тоже христиане, но одновременно враги, какими они были и в ту пору, когда тысячи римских рабов таскали с нортумбрийских гор камни на строительство стены. В детстве я тоже был христианином - куда мне было деваться? - и помнится, спросил у отца Беокки, как могут другие христиане быть нашими недругами.

- Они действительно христиане, - пояснил отец Беокка. - Но одновременно дикари!

Он взял меня с собой в монастырь на Линдисфарене и попросил аббата, которого полгода спустя зверски убьют даны, показать мне одну из шести хранившихся в монастыре книг. Книга была здоровенная, с ломкими страницами; Беокка благоговейно перелистывал их, проводя по закорючкам грязным ногтем.

– Ага! – вскричал он. – Нашел!

Он повернул книгу так, чтобы я мог видеть, хотя я все равно ничего не понимал, потому что написана она была на латыни.

– Эту книгу сочинил святой Гильда, – объяснил Беокка. – Она очень редкая. Святой Гильда был бриттом, и эта книга повествует о нашем приходе! О приходе саксов! Мы ему не нравились. – Тут мой наставник хмыкнул. – Это понятно, ведь мы не были тогда христианами. Но я хотел показать тебе ее, потому что святой Гильда жил в Нортумбрии и отлично знал скоттов! – Он повернул книгу к себе и склонился над страницей. – Вот, послушай! «Едва лишь римляне отправились восвояси, – Беокка переводил, водя пальцем по строчкам, – нахлынули мерзкие орды скоттов, подобно темным клубкам червей, выползающих из расселин в скалах. Имели они большую тягу к кровопролитию и скорее готовы были прятать под волосами свои подлые лица, чем неприличные части тела под одеждой».

Беокка закрыл книгу и перекрестился:

– Ничего не изменилось! Как были воры и разбойники, так и остались!

– Голые воры и разбойники? – осведомился я. Фраза про неприличные части тела пробудила мое любопытство.

– О нет, нет. Теперь они христиане и прикрывают срамные места, хвала Господу.

– Значит, они христиане, но разве и мы не совершаем набеги на их земли?

– Совершаем, конечно, – согласился Беокка. – Потому что их следует наказывать.

– За что?

– За набеги на наши земли, разумеется.

– Раз мы нападаем на их земли, – не сдавался я, – то мы, выходит, тоже воры и разбойники?

Мне весьма нравилось представлять нас такими же дикими и незаконными, как ненавистные скотты.

– Поймешь, когда вырастешь, – отрезал Беокка, как заявлял всякий раз, когда не мог найти ответ.

И вот я вырос, но до сих пор так и не понял, почему наставник считал нашу войну против шотландцев справедливым возмездием. Король Альфред, умник каких поискать, часто говорил, что разразившаяся в Британии война есть крестовый поход христианства против язычества. Но стоило этой войне выплеснуться за валлийские или шотландские границы, как она сразу приобретала какой-то иной смысл. Становилась войной христиан против христиан, но оставалась такой же кровавой и жестокой. И попы твердили нам, что мы исполняем Божью волю, тогда как попы в Шотландии убеждали в том же своих воинов, нападающих на нас. Правда крылась в том, что это была война за земли. Четыре племени собрались на одном острове: валлийцы, скотты, саксы и северяне, и все они хотели обладать страной. Священники без конца твердят, что мы обязаны сражаться за эту землю, потому как она дана нам в награду пригвожденным Богом. Но когда саксы завоевывали эту землю, они ведь были язычниками. Выходит, ее дали нам Тор или Один.

– Разве это не так? – поинтересовался я у отца Эдига тем вечером.

Мы располагались в одном из великолепных каменных зданий Вэлбирига, защищенном от беспрестанных ветра и дождя римскими стенами, и грелись у ярко пылающего в очаге пламени.

Эдиг нервно улыбнулся:

– Господин, Бог направил нас на эту землю. Но не какой-нибудь древний бог, но тот самый, истинный Бог. Он послал нас.

– Саксов? Он послал саксов?

– Да, господин.

– Но мы же не были тогда христианами, – напомнил я. Мои парни, слышавшие этот спор прежде, ухмылялись.

– Это правда, – согласился Эдиг. – Но валлийцы, которым эта земля принадлежала до нас, были. Вот только они оказались плохими христианами, поэтому Бог наслал на них саксов в наказание.

– И что они натворили? – осведомился я. – Валлийцы то есть. В чем провинились?

– Не знаю, но Господь не наслал бы на них нас, если они того не заслужили.

– Значит, они были плохие, – подытожил я. – И Бог решил, что пусть лучше в Британии живут плохие язычники, чем плохие христиане? Это все равно как забить корову, повредившую копыто, и взять вместо нее такую, которая не умеет стоять на ногах!

– Но ведь Бог обратил нас в истинную веру в награду за то, что мы наказали валлийцев! – довольным тоном заявил он. – Теперь мы стали хорошей коровой!

– Тогда зачем Бог послал данов? – последовал мой вопрос. – Наказывает нас за то, что мы плохие христиане?

– Такое возможно, – прошептал священник робко, словно сам сомневался в своей правоте.

– И чем все это закончится? – продолжил я.

– Закончится что, господин?

– Часть данов уже покрестилась, – напомнил я. – Кого твой Бог пошлет, чтобы наказать их, когда они станут плохими христианами? Франков?

– Огонь! – перебил нас мой сын. Он отдернул кожаный полог и смотрел на север.

– В такой-то дождь? – усомнился Финан.

Я встал рядом с Утрedom. Действительно, где-то далеко, в северных холмах, по небу разливалось сильное зарево. Огонь означает беду, но мне трудно было представить, что в такую дождливую и ветреную ночь может орудовать шайка грабителей.

- Наверное, на какой-то ферме случился пожар, - предположил я.

- И это далеко отсюда, - добавил Финан.

- Бог наказывает кого-то, - проворчал я. - Вот только какой бог?

Отец Эдиг перекрестился. Мы понаблюдали за далеким заревом некоторое время, но больше огней не появлялось. Наконец дождь залил пламя, и небо снова почернело.

Мы сменили часовых в высокой башне, потом уснули.

А наутро пришел враг.

- Ты, лорд Утред, - велел мой враг, - пойдешь на юг.

Появился он вместе с утренним дождем, и о его прибытии я узнал, когда часовые на башне ударили в железную полосу, заменявшую сигнальный колокол. Минул, наверное, час после рассвета, но сквозь затянувшие восток тучи пробивался лишь бледный намек на солнце.

- Там люди, - сообщил мне один из дозорных, указывая на север. - Пешие.

Я наклонился над парашютом башни и стал вглядываться в лежащий пятнами туман и дождевую мглу. Финан взобрался по лестнице и встал рядом.

- Ну что там? - спросил он.

- Пастухи, быть может? - Я никого не видел. Дождь немного ослабел, превратившись в постоянную морось.

- Господин, бегут в нашу сторону, – доложил часовой.

- Бегут?

- Двигутся как-то рывками, во всяком случае.

Я наярпг глаза, но так ничего и не увидел.

- Там еще и конные, – добавил Годрик, второй часовой.

Парень молодой и не шибко умный. До прошлого года он был моим слугой, и враги мерещились ему за каждым углом.

- Господин, я всадников не вижу, – возразил первый часовой, надежный малый по имени Кенвильф.

Лошади наши были оседланы к дневному переходу. Я поразмыслил, не стоит ли высылать на север разведчиков разузнать, что это там за люди и чего они хотят.

- Сколько человек вы видели? – спросил я.

- Трoих, – ответил Кенвильф.

- Пятерых, – одновременно с ним воскликнул Годрик. – И двух всадников.

Я смотрел на север, но не видел ничего, за исключением дождя, заливающего пустоши. Клочки тумана скрывали расположенные вдали возвышенности.

- Наверное, пастухи, – предположил я.

- Господин, там были конные, – неуверенно произнес Годрик. – Я видел.

Пастухи верхом не ездят. Я вглядывался в туман и дождь. Глаза у Годрика помоложе, чем у Кенвильфа, но и воображение более живое.

- Бога ради, кого могло занести сюда в такой ранний час? – проворчал Финан.

– Никого, – ответил я, распрямляясь. – Годрику опять что-то померещилось.

– Не померещилось, господин! – с жаром возразил тот.

– Молочницы, – бросил я. – Только о них он и думает.

– Нет, господин. – Парень покраснел.

– Тебе сколько сейчас лет? – спросил я. – Четырнадцать? Пятнадцать? Я в твоём возрасте только о них и думал – о сиськах то есть.

– И не сильно переменялся, – хмыкнул Финан.

– Я их видел, господин! – возмутился Годрик.

– Сиськи-то? Опять о них грезил... – проговорил я и осекся. Потому что на политых дождями холмах появились люди.

Они вынырнули из какой-то лощинки и бежали к нам, бежали изо всех сил. Мгновение спустя я понял причину: из тумана выехали шесть всадников, и галопом поскакали беглецам наперерез.

– Открыть ворота! – гаркнул я, обращаясь к воинам у подножия башни. – Выходите! Приведите этих людей сюда!

Я быстро спустился по лестнице и успел как раз, когда Рорик подвел Тинтрега. Пришлось подождать, пока коню подтянут подпругу, потом вскочил в седло и двинулся вслед за дюжиной верховых на склон холма. Финан держался чуть позади.

– Господин! – закричал Рорик, выбежавший из форта. – Господин!

Он сжимал мой пояс со спрятанным в ножны Вздохом Змея.

Я повернулся, наклонился в седле и выхватил меч, оставив ножны и пояс в руках у мальчишки.

– Возвращайся в форт, парень.

– Но...

– Иди!

Дюжина воинов, кони которых были оседланы и готовы к выезду, далеко опередила меня. Все они скакали наперерез всадникам, преследующим четверых беглецов. Заметив, что враг сильнее, неизвестные конники развернулись. И тут появился пятый беглец. Он, должно быть, прятался в папоротнике за гребнем, а теперь выскочил и вприпрыжку помчался вниз по склону. Всадники заметили его и снова повернули, на этот раз за отставшим. Заслышав стук копыт, бедолага попытался уклониться, но первый из верховых придержал лошадь, хладнокровно опустил копье и вонзил острие беглецу в спину. На удар сердца раненый выгнулся, держась на ногах, потом подлетел второй всадник, рубанул секирой, и я увидел, как в воздухе повисло облачко алого тумана. Беглец рухнул, но его гибель отвлекла и задержала преследователей и тем самым спасла четверых его товарищей, оказавшихся теперь под защитой моих людей.

– Почему этот болван выскочил из укрытия? – спросил я, кивнув в ту сторону, где шестеро конных стояли вокруг убитого.

– Вот почему! – воскликнул Финан, указав на северный гребень, где из тумана показалась толпа всадников. – Помилуй Господи, – пробормотал ирландец и перекрестился. – Это же целая чертова армия!

За спиной у меня дозорные на башне колотили в железную полосу, сзывая остальных моих воинов к стенам форта. Налетел дождевой заряд, вздув плащи у вытянувшихся вдоль горизонта конных. Их была не одна дюжина.

– Знамени нет, – отметил я.

– Твой кузен?

Я покачал головой. В серой дождевой хмари трудно было рассмотреть далеких воинов, но я сомневался, что двоюродному брату хватило смелости увести свой

гарнизон так далеко на юг темной ночью.

– Эйнар, возможно? – высказал предположение я. Но в таком случае за кем могли они гнаться? Я погнал Тинтрега к моим дружинникам, охранявшим четверку беглецов.

– Это норманны, господин! – крикнул Гербрухт, когда я приблизился.

Четверо промокли насквозь, тряслись от страха и от холода. Все были молодые, светловолосые, с татуировками на лицах. Увидев в моей руке обнаженный меч, они повалились на колени.

– Пожалуйста, господин! – взмолился один из них.

Я посмотрел на север и отметил, что армия всадников не сдвинулась с места. Они просто наблюдали за нами.

– Сотни три? – озвучил я догадку.

– Триста сорок, – сказал Финан.

– Меня зовут Утред Беббанбургский, – объявил я людям, стоявшим на коленях среди мокрого вереска. Я видел написанный на их лицах страх и выждал несколько ударов сердца, чтобы они могли прочувствовать его поглубже. – А вы кто такие?

Они забормотали, называя свои имена. Их послал наблюдать за нами Эйнар. Они скакали вчера до позднего вечера и, не найдя наших следов, заночевали в пастушьей хижине в западных холмах. Но незадолго перед рассветом на них обрушились всадники, и им пришлось убегать, бросив в панике коней.

– Так кто же это такие? – Я кивнул в сторону конных на севере.

– Господин, мы думали, твои люди!

– Вы не знаете, кто за вами гнался?

- Враги, господин, – виновато пролепетал один из них.

- Рассказывайте с самого начала, что с вами произошло.

Эйнар послал пятерых следить за нами. На рассвете, в волчий час, перед тем как солнце вошло над затянувшимися восток облаками, три загадочных конных разведчика наткнулись на них в пастушьей хижине в лощине. Людям Эйнара удалось стащить одного из застигнутых врасплох лазутчиков с лошади. Первого норманны убили, но остальные тем временем успели развернуть коней.

- Значит, вы убили того парня, не расспросив, кто он такой? – осведомился я.

- Нет, господин, – признался старший из четверки. – Мы не понимали его языка. И он сопротивлялся. Нож вытащил.

- И кем, по-вашему, мог он быть?

Старший замялся, затем пробормотал, что они приняли свою жертву за моего воина.

- Значит, вы просто его убили?

Норманн пожал плечами:

- Ну да, господин.

Далее пятеро поспешили на юг, но обнаружили, что за ними по пятам следует целая армия всадников.

- Вы убили человека, потому что, как думали, он служит мне, – сказал я. – Тогда почему бы мне не убить вас?

- Он кричал, господин. Нужно было заставить его умолкнуть.

Причина веская, – думается, на их месте я поступил бы так же.

– Что же мне с вами делать? Отдать тем ребятам? – Я кивнул в сторону ожидающих всадников. – Или просто убить?

Они не ответили, да я и не рассчитывал на ответ.

– По-хорошему ублюдков проще прикончить, – заметил Финан.

– Пожалуйста, господин! – прошептал один из них.

Я не обратил на него внимания, потому как с полдюжины конных покинули вершину холма и скакали к нам. Ехали они медленно, давая понять, что не имеют враждебных намерений.

– Отведите этих четверых в форт, – приказал я Гербрухту. – И не убивайте их.

– Не убивать, господин? – На лице здорового фриза отразилось разочарование.

– Пока не надо.

Из форта прискакал мой сын и вместе со мной и Финаном отправился навстречу шестерым переговорщикам.

– Кто это такие? – спросил Утред.

– Это не люди кузена, – ответил я. Отряди двоюродный брат погоню за нами, поднял бы стяг с волчьей головой. – И не люди Эйнара.

– Тогда чьи? – недоумевал сын.

Минуту спустя мы поняли чьи. Когда шестеро всадников приблизились, я узнал того, кто вел их. Воин восседал на прекрасном черном жеребце и был облачен в длинный синий плащ, полы которого ниспадали на конский круп. На шее у него висел золотой крест. Спину всадник держал прямо, голову высоко. Он меня тоже узнал – нам доводилось встречаться – и улыбнулся, заметив мой устремленный на него взгляд.

- Беда, - сообщил я спутникам. - И еще какая.

И был прав.

Продолжая улыбаться, мужчина в синем плаще остановил коня в нескольких шагах от нас.

- Лорд Утред, обнаженный меч? - с укором обратился он ко мне. - Вот как ты встречаешь старого друга?

- Я человек бедный и не могу позволить себе ножны.

Я сунул острие Вздоха Змея в левый сапог и осторожно опустил, пока лезвие не скользнуло вдоль моей лодыжки.

- Изящное решение, - пошутил всадник.

Сам он тоже был изящный. Темно-синий, удивительно чистый плащ, кольчуга отполирована, на сапогах ни пятнышка, борода аккуратно пострижена, как и цвета воронова крыла волосы, перехваченные на лбу золотым ободком. Уздечку его коня украшало золото, на шее у всадника висела золотая цепь, да и эфес меча испускал золотое сияние. То был Каузантин мак Аэда, король Альбы, известный мне как Константин, а рядом с ним, на коне поменьше, восседал его сын Келлах мак Каузантин. Позади отца с сыном расположились четверо: два воина и два священника. Все четверо сердито глядели на меня - видимо, потому, что я не прибавил к своему обращению к Каузантину слов «милорд король».

- Лорд принц, - сказал я Келлаху. - Рад снова видеть тебя.

Келлах посмотрел на отца, как бы спрашивая разрешения ответить.

- Можешь говорить с ним, - дозволил король Константин, - но медленно и попроще. Он сакс и потому не понимает длинных слов.

- Лорд Утред, я тоже рад видеть тебя, - вежливо произнес Келлах.

Много лет назад, еще совсем ребенком, Келлах находился при моем дворе в качестве заложника. Мне он был по душе тогда, нравился и сейчас, хотя я и полагал, что однажды мне предстоит его убить. Теперь ему было лет двадцать, и вырос он красавцем в отца, с такими же черными волосами и очень голубыми глазами. Однако, что неудивительно, не мог похвастать спокойной уверенностью родителя.

– Мальчик, все ли у тебя хорошо? – спросил я, и принц распахнул слегка глаза при слове «мальчик», но утвердительно кивнул. Я перевел взгляд на Константина. – Итак, милорд король, что привело тебя в мою страну?

– Твою страну? – Константин хмыкнул. – Здесь Шотландия!

– Лорд, говори коротко и просто, – процитировал я его. – Потому что бессмысленных слов я не понимаю.

Король рассмеялся.

– Лорд Утред, как жаль, что ты мне нравишься, – заявил он. – Жизнь была намного проще, если бы я тебя ненавидел.

– У большинства христиан получается, – заметил я, глянув на надутых попов.

– Мне придется научиться тебя ненавидеть, – продолжил король, – но только если ты предпочтешь стать моим врагом.

– С чего бы это мне понадобилось? – осведомился я.

– Вот и я о том же! – Мерзавец улыбнулся, показав все зубы до единого. Интересно, как ему удалось их сохранить? При помощи колдовства? – Лорд Утред, ты не будешь моим врагом.

– Не буду?

– Ну конечно! Я ведь приехал заключить мир.

В это я верил. А еще верил в то, что орлы откладывают золотые яйца, феи танцуют по ночам в наших башмаках, а луна вырезана из большой головки суморсэтского сыра.

- Не лучше ли обсуждать мир у очага, за доброй кружкой эля?

- Вот видите? - Константин повернулся к хмурым священникам. - Я же говорил, что лорд Утред проявит гостеприимство!

Я разрешил Константину и пяти его спутникам войти в крепость, но настоял, чтобы остальные шотландцы держались в полумиле от форта, с северной стены которого за ними наблюдали мои воины. Константин с невинным видом попросил, чтобы всем его спутникам позволили пройти через ворота, но я только усмехнулся, и он соизволил улыбнуться в ответ. Шотландское войско осталось ждать под дождем. Битвы не будет - по крайней мере, пока Константин у меня в гостях, но скотты есть скотты, и только круглый дурак пригласит три с лишним сотни шотландских воинов в форт. Это все равно что запустить волка в овчарню.

- Мир? - обратился я к королю, после того как нам подали эль, поделенный на куски каравай хлеба и нарезанное ломтиками сало.

- Вершить мир - мой долг христианина, - высокопарно заявил Константин.

Произнеси это король Альфред, я бы поверил в его искренность, но король скоттов сумел вложить в эти слова едва уловимую насмешку. Он знал, что я ему не верю, как не верил бы себе и он сам.

Я велел принести в большую палату столы и скамьи, но шотландский король садиться не стал. Вместо этого он расхаживал по комнате, освещенной пятью окнами. Снаружи по-прежнему было пасмурно. Помещение, похоже, заинтересовало Константина. Он потрогал пальцем сохранившиеся островки штукатурки, затем ощупал почти незаметную щель между каменной кладкой и дверным косяком.

- Хорошо строили римляне, - произнес он с некоторой грустью.

- Лучше, чем мы.

– Великий был народ, – заявил король.

Я кивнул.

– Их легионы покорили весь мир, но дрогнули перед Шотландией.

– Скоттов испугались или их сама Шотландия так ужаснула? – спросил я.

Константин улыбнулся:

– Попытались ее завоевать и проиграли! И потому выстроили эти форты и эту стену, чтобы помешать нам разорять их провинцию. – Его рука скользнула по ряду узких кирпичей. – Хотелось бы мне побывать в Риме.

– Мне рассказывали, что он весь в руинах, – заметил я. – И населен волками, нищими и ворами. Милорд король, там бы ты чувствовал себя как дома.

Два шотландских попа явно разумели по-английски, потому что оба пробормотали нечто нелицеприятное в мой адрес. Келлах, сын короля, уставился на меня так, будто собрался что-то возразить, но самого Константина оскорбление не задело.

– Зато какие удивительные руины! Римские руины величественнее самых больших наших домов! – Он обернулся ко мне со своей раздражающей улыбкой. – Сегодня поутру мои люди прогнали Эйнара Белого от Беббанбурга.

Я промолчал, не зная, что сказать. Первой мыслью было, что Эйнар не сможет теперь обеспечивать крепость провизией и неприятный вопрос с его кораблями решен. Но радость сменилась отчаянием, когда я понял, что не ради меня напал Константин на Эйнара. Одна проблема решилась, но вместо нее между мной и Беббанбургом выросло препятствие намного большее.

Константин уловил, надо думать, мое огорчение, потому как рассмеялся.

– Прогнали, – повторил он. – Выкурили его из-под Беббанбурга, заставили удирать, поджав хвост. А может, этот мерзавец уже мертв? Я скоро узнаю. У Эйнара было меньше двухсот воинов, а я послал против него четыреста.

- Но на его стороне еще укрепления Беббанбурга, - заметил я.

- Да ничего подобного, - небрежно возразил Константин. - Твой кузен ни за что не впустит шайку норманнов в свои ворота! Ему ли не знать, что они тогда никуда не уйдут? Пригласив воинов Эйнара в свою крепость, он воткнул бы нож себе в спину. Нет, люди Эйнара разместились в деревне, а частокол, который они начали строить снаружи форта, не успели довести до конца. Теперь они уже изгнаны оттуда.

- Спасибо, - с усмешкой поблагодарил я.

- За то, что сделал за тебя твою работу? - уточнил король, ухмыляясь. Потом подошел к столу, сел наконец и принялся за еду и эль. - Воистину, я сделал твою работу. Ты ведь не мог осаждать Беббанбург, пока Эйнар не разбит, и вот это случилось! Его наняли, чтобы не пустить тебя в крепость и снабжать твоего кузена продовольствием. Теперь, надеюсь, норманн мертв или улепетывает во все лопатки, спасая свою ничтожную жизнь.

- Вот я тебя и благодарю.

- Его людей сменили мои люди, - таким же ровным тоном заявил Константин. - Теперь они обживают в усадьбах, равно как и в деревне под Беббанбургом. Не далее как этим утром, лорд Утред, мои воины захватили все владения Беббанбурга.

Я посмотрел в его очень голубые глаза:

- Ты вроде бы обмолвился, что пришел заключить мир?

- Так и есть!

- Ведя за собой семь или восемь сотен воинов?

- О нет! - весело возразил он. - Их больше, намного больше! А сколько копий у тебя? Две сотни тут и еще тридцать пять в Дунхолме?

- Тридцать семь, - заявил я, исключительно чтобы позлить его.

- И с бабой во главе!

- Эдит яростнее многих мужчин, - сказал я.

Эдит к тому времени вышла за меня замуж, и я оставил ее командовать небольшим гарнизоном Дунхолма. А еще - Ситрика, на случай если женщина забудет, каким концом меча полагается колоть.

- Полагаю, ты убедишься, что по части ярости ей до моих людей далеко, - с улыбкой произнес Константин. - Мир - очень хорошее предложение для тебя.

- У меня есть зять, - напомнил я.

- Ах да, ужасный Сигтригр, способный вывести в поле пять, а то и шесть сотен воинов? А может, и тысячу, если его поддержат южные ярлы, в чем я сомневаюсь! И Сигтригру приходится держать армию у южных границ, чтобы удерживать этих ярлов на своей стороне. Словно они когда-нибудь на ней были! Кто знает?

Я молчал. Константин, разумеется, говорил правду. Сигтригр мог быть королем в Эофервике и величать себя государем Нортумбрии, но большинство влиятельных данов на границе с Мерсией не спешили дать ему присягу. Они утверждали, что зять уступил слишком много земель за мир с Этельфлэд, хотя я не сомневался, что они сами предпочли бы сдаться, чем вести безнадежную войну, защищая трон Сигтригра.

- И дело не только в ярлах, - продолжал Константин, подсыпая соль на раны. - Слышал я, что западные саксы устроили тут жуткий шум.

- Сигтригр в мире с саксами, - возразил я.

Константин улыбнулся. Его улыбка начинала меня бесить.

- Лорд Утрэд, одно из преимуществ быть христианином в том, что я испытываю симпатию, даже любовь к моим собратьям, христианским королям. Мы

помазанники Божьи, его покорные рабы, чей долг – распространять учение Иисуса Христа во все страны. Король Эдуард в восторге от мысли, что его запомнят как государя, который привел языческую Нортумбрию под сень христианского Уэссекса! И мирный договор твой зять заключил с Мерсией, а не с Уэссексом. По мнению многих западных саксов, этот договор не стоило подписывать. Они считают, что пришло время включить Нортумбрию в христианское сообщество. Ты этого разве не знаешь?

– Иные из западных саксов стремятся к войне, – признал я, – но не король Эдуард. Он пока еще не готов.

– А вот твой приятель олдермен Этельхельм сумел убедить его в обратном.

– Этельхельм – вонючий слизняк, – процедил я.

– Он христианский вонючий слизняк, – возразил шотландец. – И разве мой долг единоверца не предписывает оказывать ему поддержку?

– Если так, то и ты тоже вонючий слизняк, – сообщил я, и сопровождавшие короля два воина, уловив тон моих слов, напряглись. Оба, похоже, не говорили по-английски, зная только свой варварский язык, и один из них пробурчал что-то нечленораздельное.

Константин вскинул руку, успокаивая их.

– Я прав? – спросил он.

Я нехотя кивнул. Олдермен Этельхельм, мой закадычный враг, был самым могущественным из знатных людей в Уэссексе, а еще приходился королю Эдуарду тестем. Ни для кого не было секретом, что он выступает за скорейшее нападение на Нортумбрию. Ему хотелось войти в историю создателем Инглаланда и стать дедом первого короля объединенного королевства.

– Армию западных саксов вряд ли ведет Этельхельм, – заявил я. – Ее возглавляет король Эдуард, а король моложе тестя и, значит, может позволить себе подождать.

– Возможно, – согласился Константин. – Возможно.

Тон у него был насмешливый, как будто я сморозил глупость.

– Давай-ка сменим тему, – предложил он, – и поговорим о римлянах.

– О римлянах? – переспросил я растерянно.

– О римлянах, – с теплом повторил король. – Какой великий был народ! Они принесли в Британию благо христианства, и нам следует любить их за это. А еще у них были философы, ученые, историки и богословы, и мы многое можем почерпнуть из их трудов. Мудрость древних, лорд Утред, должна освещать нам путь в настоящем! Ты разве против? – Он подождал ответа, но я промолчал, и Константин продолжил: – И мудрые римляне решили, что граница между Шотландией и землями саксов должна проходить по этой вот стене.

Произнося свою речь, он смотрел мне прямо в глаза, и казалось, что король забавляется, хотя лицо его оставалось совершенно серьезным.

– До меня доходили слухи, что значительно севернее есть еще одна римская стена.

– Простая канава, – небрежно возразил шотландец. – Она не состоялась. Зато это, – его рука указала на укрепления, видимые через одно из окон, – вышло удачно. Я размышлял на эту тему, молился, и мне кажется разумным, что эта стена должна служить разделительной линией между двумя нашими народами. Все, что к северу от нее, – это Шотландия, Альба, а все, что к югу, пусть отходит к саксам, Ингланду. Не будет больше споров насчет того, где проходит черта, – любому не составит труда увидеть разделяющую наш остров границу в виде этой великой каменной стены! И хотя она не удержит наш народ от набегов за скотом, но рейды эти будут более трудными! Вот видите – я миротворец! – Константин лучезарно улыбнулся мне. – Я изложил все это королю Эдуарду.

– Эдуард не правит в Нортумбрии.

– Будет править.

– А Беббанбург – мой, – отрезал я.

– Никогда он твоим не был. – Константин в миг утратил любезность. – Он принадлежал твоему отцу, а теперь принадлежит твоему двоюродному брату. – Король вдруг щелкнул пальцами, словно вспомнил о чем-то. – Ты отравил его сына?

– Конечно нет!

Он улыбнулся:

– А если бы отравил, правильно бы сделал.

– Но я тут ни при чем, – сердито заявил я.

Мы захватили сына моего кузена, совсем еще мальчишку, и я поручил Осферту, одному из доверенных людей, присматривать за ним и его матерью, плененной вместе с парнем. Мать и сын умерли во время заразы, свирепствовавшей в прошлом году, но разошлась неизбежная молва, будто я их отравил.

– Мальчишка умер от потницы, – выпалил я, – как и тысячи других людей в Уэссексе!

– Я, конечно, верю тебе, – беззаботно согласился Константин. – Но твоему кузену нужна теперь жена!

Я пожал плечами:

– Какая-нибудь бедняжка даст согласие выйти за него.

– У меня есть дочь, – задумчиво произнес Константин. – Не предложить ли девочку ему?

– Это обойдется тебе дешевле, чем попытка взять его укрепления штурмом.

– Думаешь, я боюсь беббанбургских стен?

- Есть основания, - заметил я.

- Ты ведь собирался взять их, - напомнил король, и в голосе его не слышалось больше насмешки. - Неужели ты считаешь меня менее заинтересованным и не таким способным, как ты?

- Получается, что, рассуждая о мире, ты готовил завоевание, - горько проворчал я.

- Да, так и есть, - признался он откровенно. - Но мы просто возвращаем границу туда, где римляне так мудро прочертили ее.

Шотландец помедлил, наслаждаясь моим расстройством.

- Беббанбург, лорд Утред, и все относящиеся к нему земли - мои.

- Не будет этого, пока я жив.

- Тут муха прожужжала? - осведомился он. - Я слышал какой-то звук. Или это ты заговорил?

Я посмотрел ему в глаза:

- Видишь вот этого попа? - Я мотнул головой в сторону отца Эдига.

Король был озадачен, но кивнул:

- Я приятно удивлен, застав тебя в обществе священника.

- Священника, милорд король, который нарушил все твои планы, - заявил я.

- Мои планы?

- Твои люди убили его спутников, но отец Эдиг ускользнул. Не доберись он до меня, я бы до сих пор стоял под Этгефрином.

– Понятия не имею, о чем ты, – отмахнулся Константин.

– Это холм, за которым последнюю неделю с лишним наблюдали твои воины, – напомнил я, сообразив наконец, кто были те загадочные и ловкие разведчики. Король едва заметно кивнул, признавая, что преследовали нас действительно его люди. – И ты собирался напасть на меня там. Иначе почему оказался здесь, а не под Беббанбургом? Ты хотел уничтожить меня, но обнаружил, что я под защитой каменных стен, так что убить меня теперь гораздо сложнее.

Все это было правдой. Застигни Константин меня в открытом поле, его войско изрубило бы моих парней в куски. А вот за попытку взять приступом укрепления Вэлбирига ему придется дорого заплатить.

Справедливость моей догадки как будто рассмешила его.

– Лорд Утред, и с какой стати мне убивать тебя?

– Потому что это единственный враг, которого ты боишься, – ответил вместо меня Финан.

Я заметил, как на миг лицо Константина исказилось. Затем он встал и больше уже не улыбался.

– Этот форт принадлежит отныне мне, – резко бросил он. – Все земли к северу отсюда – собственность скоттов. Даю тебе время до заката, чтобы покинуть мой форт и мои границы. В твоем случае, лорд Утред, это означает, что тебе нужно убраться на юг.

Константин пришел с войском на мою землю. Моего кузена усилили корабли Эйнара Белого. В моем распоряжении имелось менее двух сотен воинов. Так что какой у меня оставался выбор?

Я коснулся висящего на шее молота Тора и дал себе молчаливую клятву. Я возьму Беббанбург, вопреки стараниям моего кузена, Эйнара и Константина. Это потребует времени, это будет трудно, но я справлюсь.

А затем я ушел на юг.

Часть вторая. Западня

Глава третья

В Эофервик, или Йорвик, как называют его даны и норманны, мы прибыли в следующее воскресенье, и встретил нас звон церковных колоколов. Брида, которая прежде чем стать моим врагом, была моей возлюбленной, попыталась истребить христианство в Эофервике. Она убила старого архиепископа, казнила множество попов, пожгла церкви. Но Сигтригра, нового повелителя города, не заботило, какому богу поклоняется мужчина или женщина, если они исправно платят подати и не бунтуют, поэтому христианские святилища стали расти как грибы после дождя. Появился и новый архиепископ по имени Хротверд – западный сакс, пользовавшийся славой человека вполне достойного. Добрались мы ближе к полудню. Ярко светило солнце – мы видели его впервые после выезда из Этгефрина.

Во дворце, расположенном рядом с отстроенным вновь собором, мне сообщили, что Сигтригр выступил с войском в Линдкольн.

– А королева здесь? – уточнил я у пожилого привратника, слезая с коня.

– Уехала вместе с супругом, лорд.

Я неодобрительно крякнул, хотя тяга моей дочери к опасности меня не удивила – я, скорее, удивился бы, не отправься она на юг вместе с Сигтригром.

– А дети?

– Тоже в Линдкольне, лорд.

Я поморщился от ломоты в костях:

– Так кто тут за главного?

– Болдар Гуннарсон, лорд.

Болдара я знал как надежного, опытного воина. А еще считал его стариком, хотя он вполне мог быть на год-другой моложе меня и, подобно мне, был покрыт боевыми шрамами. Он хромал благодаря саксонскому копьё, проткнувшему его правую лодыжку, потерял глаз, выбитый мерсийской стрелой. Раны научили его осторожности.

– Новостей о войне пока нет, – сообщил мне Болдар. – Впрочем, вполне может пройти целая неделя, прежде чем они до нас дойдут.

– Это на самом деле война? – осведомился я.

– Господин, саксы вторглись в наши земли. – Он тщательно подбирая слова. – И едва ли они пришли, чтобы поплясать с нами.

Его с малочисленным гарнизоном оставили сторожить Эофервик, и, если армия западных саксов действительно орудует в Южной Нортумбрии, ему оставалось лишь уповать на то, что она не объявится под римскими укреплениями столицы. И молиться богам, чтобы Константину не вздумалось перейти через стену и двинуться на юг.

– Господин, ты останешься здесь? – спросил он в явной надежде, что мои люди пополнят его прореженный гарнизон.

– Утром мы выступаем, – сообщил я ему.

Я ушел бы и раньше, но лошадям требовался отдых, а мне – новости. Болдар не имел точного представления о том, что на самом деле творится на юге, поэтому Финан предложил обратиться к новому архиепископу.

– Монахи постоянно переписываются между собой, – напомнил он. – Монахи и попы. Им зачастую лучше королей известно, что происходит! Да и об архиепископе Хротверде слава идет хорошая.

– Я ему не доверяю.

– Да ты же его никогда не видел!

– Он христианин, – проворчал я. – И западные саксы тоже. А кого ему выгоднее иметь здесь королем: христианина или Сигтригра? Хочешь, иди и разговаривай с ним сам. Размахивай своим распятием и постарайся не пердеть.

Мы с сыном поехали на восток, пройдя через одни из массивных городских ворот, и направились вдоль берега реки по улочке, где ряды строений обступали длинную пристань. Сюда заходили купеческие суда из всех портов Северного моря. Тут можно купить корабль или бревна, канаты или смолу, парусину или рабов. Здесь размещались три таверны, самой большой из которых была «Утка», где продавали эль, еду и шлюх. Именно там мы и присели за столом на улице, поближе к двери.

– Как здорово снова видеть солнце! – поприветствовал меня Олла, хозяин таверны.

– А увидеть кружку эля было бы и того лучше, – заметил я.

Олла ухмыльнулся:

– Лорд, и я рад снова видеть тебя. Только эль? Могу предложить одну симпатичную крошку, недавно прибывшую из Фризии.

– Только эль.

– Она даже не догадывается, чего лишилась, – польстил хозяин, после чего отправился за элем, а мы привалились спинами к стене таверны.

Солнышко пригревало, его лучи отражались от реки, вверх по течению которой медленно плыли лебеди. Большой купеческий корабль замер неподалеку, и три голых раба чистили его.

– Выставлен на продажу, – сообщил Олла, притащив эль.

- Выглядит тяжелым.

- Это боров, а не корабль. Господин, хочешь купить?

- Не его. Может, есть что-то более шустрое?

- Цены сейчас высоки, - сказал Олла. - Лучше подождать, когда снег ляжет на землю. - Он присел на стул в торце стола. - Есть хотите? Жена нажарила отменной рыбы, имеется и хлеб свежей выпечки.

- Я бы не отказался, - заявил сын.

- От еды или от фризки?

- От обеих, но сначала рыба.

Олла постучал по столу; на зов из таверны вышла смазливая девчонка.

- Три миски жаркого, милая, - распорядился хозяин. - И два свежих каравая. Потом большой кувшин эля, немного масла, и подотри нос.

Выждав, когда девчушка скроется в дверях, Олла повернулся ко мне:

- Господин, не требуется ли жена для какого-нибудь из твоих молодых воинов?

- Многим, - ответил я. - Включая этого вот бездельника. - Я указал на сына.

- Моя дочка, - кивнул Олла в направлении двери, в которую вошла девушка. - И настоящая чертовка. Вчера я застукал ее за попыткой продать младшего братишку Харульду.

Харульд - работорговец, квартировавший в третьем отсюда доме вверх по течению реки.

- Надеюсь, цену поставила хорошую, - усмехнулся я.

– О, эту на мякине не проведешь, – отозвался корчмарь. – Блох на лету ловит. Ханна! – крикнул он. – Ханна!

– Папа? – Девочка высунулась из двери.

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать, папа.

– Видите? – Он поглядел на меня. – Созрела для брака. – Олла наклонился и почесал за ухом спящую собаку. – А ты, господин?

– Я уже женат.

Олла ухмыльнулся:

– Немало воды утекло с тех пор, как ты в последний раз угощался моим элем. Что привело тебя сюда?

– Я надеялся, что это ты мне скажешь.

Он кивнул:

– Хорнкастр.

– Хорнкастр, – подтвердил я. – Никогда не видел этого места.

– Да там и смотреть не на что. Разве что на старый форт.

– Римский? – предположил я.

– Чей же еще? Западные саксы владеют сейчас землями до самого Гевэска. – Тон у него стал мрачным. – И из каких-то соображений выслали отряд дальше на север, в Хорнкастр. Поселились в старом форте и, насколько мне известно, до сих пор там сидят.

– Много их?

– Немало. Сотни три, а может, и четыре.

Это был уже крупный военный отряд, но даже четыреста воинов пообломают зубы, если полезут на каменные стены Линдкольна.

– Меня известили, что началась война, – процедил я сердито. – Четыре сотни засевших в форте воинов – это неприятность, но едва ли крах Нортумбрии.

– Сомневаюсь, что они явились ромашки собирать, – возразил Олла. – Это западные саксы, и они на нашей земле. Король Сигтригр не может просто так позволить им тут остаться.

– Верно. – Я подлил себе эля. – Известно, кто командует саксами?

– Брунульф.

– Никогда о таком не слышал.

– Западный сакс, – ответил Олла.

Свои новости он черпал у посетителей таверны. Большинство составляли моряки с торговых кораблей, ходивших вдоль побережья, но про Брунульфа ему сообщила одна семья данов, изгнанная из своей усадьбы к северу от древнего форта и нашедшая на ночь приют в «Утке», перед тем как отправиться дальше на север, к родичам.

– Господин, Брунульф никого из них не убил.

– Вот как?

– Они сказали, что он был вежлив! Но уехать пришлось всей деревне. Разумеется, скотину у них забрали.

– Как и дома.

– Ну да, дома тоже. Но никто не получил и царапины! Никого из детей не взяли в рабство, ни одну женщину не изнасиловали. Ничего.

– Какие любезные хватчики, – заметил я.

– Поэтому твой зять взял четыре сотни воинов и пошел на юг, но, по слухам, тоже намерен проявить мягкость, – продолжил Олла. – Собирается скорее уговорить ублюдков уйти из Хорнкастра, нежели выбить их оттуда.

– Выходит, решил взяться за ум?

– Господин, это заслуга твоей дочери. Она убедила его не ворошить осиное гнездо.

– А вот и твоя дочка, – перебил его я, когда появилась Ханна с подносом, уставленным кувшинами и кубками.

– Поставь это сюда, милая. – Олла хлопнул по столу.

– Сколько предложил тебе Харульд за брата? – поинтересовался я у нее.

– Три шиллинга, господин.

Девчушка была ясноглазая, с каштановыми волосами и задорной улыбкой.

– И с чего ты решила его продать?

– Потому что он дерьмо, господин.

Я захохотал:

– Ну, тогда тебе стоило взять деньги. Три шиллинга – хорошая цена за кусок навоза.

– Отец не позволил. – Она надула губки, потом сделала вид, будто ей пришла в голову блестящая идея. – А может, мой братишка тебе на службу сгодится? – На

ее личике появилась трагическая гримаса. – И погибнет в бою?

– Убирайся прочь, несносное создание! – не выдержал Олла.

– Ханна! – окликнул я девчонку. – Отец говорит, что ты уже созрела для брака.

– Господин, может, через годик? – поспешно вставил хозяин таверны.

– Хочешь замуж вот за этого? – Я показал на сына.

– Нет, господин.

– Это почему?

– А он на тебя похож, господин, – с усмешкой ответила она и исчезла.

Я рассмеялся, но сын явно обиделся.

– Не похож я на тебя, – заявил Утред.

– Похож, – возразил Олла.

– Ну, тогда помоги мне Господь!

«И помоги Господь Нортумбрии», – подумал я. Брунульф. Я ничего о нем не знал, но предполагал, что человек это способный, раз ему доверили командовать отрядом в несколько сотен воинов. Чего ради его послали в Хорнкастр? Попытка короля Эдуарда развязать войну? Его сестра Этельфлэд в мире с Сигтригом, но Уэссекс договора не подписывал, а желание определенных лиц из числа западных саксов прибрать к рукам Нортумбрию ни для кого не тайна. Но послать несколько сотен человек в не слишком отдаленный от границы пункт, изгнать живущих близ него данов, не устроив резни, а затем засесть в старом форте – все это как-то не походило на настоящее вторжение. Брунульф и его люди в Хорнкастре служат, как полагал я, чем-то вроде приманки, с целью побудить нас напасть на них и тем начать битву, которая может стать для нас последней.

– Сигтригр хочет, чтобы я присоединился к нему, – сообщил я Олле.

– На случай, если ему не удастся уговорить саксов уйти из форта, он рассчитывает запугать их тобой, – подольстился хозяин таверны.

Я отведал рыбного жаркого и осознал вдруг, что жутко проголодался.

– С чего это цена на корабли пошла вверх? – поинтересовался я.

– Ты не поверишь, господин. Из-за архиепископа.

– Хротверда?

Олла пожал плечами.

– Он говорит, что пришло время монахам возвращаться на Линдисфарену.

– Что-что? – Я уставился на него.

– Прелат хочет отстроить монастырь!

Монахов на Линдисфарене не было вот уже половину отпущенного человеку жизненного срока – с тех пор как грабители-даны перебили последних из них. Во времена моего отца Линдисфарена считалась одной из самых почитаемых христианских святынь во всей Британии, превосходя даже Контварабург. Она привлекала толпы паломников, приходивших помолиться у могилы святого Кутберта. Нам это приносило выгоду, потому как монастырь располагался прямо к северу от крепости, на принадлежавшем родителю острове, а пилигримы тратили серебро, покупая свечи, еду, кров и шлюх в деревне под Беббанбургом. Я не сомневался, что христиан подмывает отстроить обитель, вот только в данный момент она пребывала в руках у шотландцев. Олла мотнул головой, указывая на восток, вдоль берега.

– Видишь эти груды бревен? Это все добрый выдержанный дуб из Суморсэта. Вот его-то архиепископ и намерен пустить в ход. Его и некоторое количество камня. И потому ему нужны дюжины судов для доставки груза.

- Королю Константину это может не понравиться, - процедил я.

- А он-то тут при чем? - удивился Олла.

- Так ты еще не слышал? Треклятые скотты вторглись во владения Беббанбурга.

- Иисус милосердный! Господин, ты не шутишь?

- Нет. Константин утверждает, что Линдисфарена - часть Шотландии. Так что он может поселить там своих монахов, а не саксов Хротверда.

Олла скроил рожу:

- Архиепископ огорчится. Чертовы скотты на Линдисфарене!

Мне пришла вдруг в голову одна мысль, и, обдумав ее, я нахмурился.

- Тебе известно, кто владеет большей частью острова? - поинтересовался я у Оллы.

- Твоя семья, господин. - Трактирщик дал весьма тактичный ответ.

- Руины монастыря принадлежат Церкви, - рассуждал я. - Зато остальная часть острова относится к Беббанбургу. Не думаешь ли ты, что архиепископ испросил у моего кузена разрешения строиться там? Оно ему не особо нужно, но согласие моего двоюродного брата сильно облегчило бы Хротверду жизнь.

Олла не спешил с ответом, поскольку знал о моем отношении к кузену.

- Господин, возможно, предложение поступило от твоего двоюродного брата.

Именно это подозрение и зародилось у меня.

- Вот ведь хорек вонючий, - выругался я.

С того самого дня, как Сигтригр стал королем Нортумбрии, кузен знал о моем предстоящем нападении и наверняка сделал Хротверду предложение в расчете заручиться поддержкой Церкви. Тем самым оборона Беббанбурга превращалась в крестовый поход. Что ж, Константину следует сказать спасибо хотя бы за крушение этой надежды.

– Тот чокнутый епископ собрался построить на острове церковь, – продолжил Олла. – По крайней мере, хотел.

Я хмыкнул. Любое упоминание о чокнутом епископе забавляло меня.

– Вот как?

– И архиепископ Хротверд решил положить конец всей этой блажи. Разумеется, нельзя верить всему насчет того сумасшедшего ублюдка, но не секрет, что идиот мечтал построить на острове новый храм.

Был он чокнутым или нет – не знаю, но вот епископом точно не был. Речь шла о датском ярле по имени Дагфинр, который провозгласил себя новым епископом Гируума и принял новое имя – Иеремия. Он со своими людьми занял древний форт под Гируумом, что примыкает с юга к границам Беббанбурга и лежит на южном берегу реки Тинан. Гируум – часть владений Дунхолма, и потому Иеремия числился среди моих подданных. Единственная наша встреча произошла, когда он покорно прибыл в крепость, чтобы уплатить мне дань. Явился с двенадцатью спутниками, которых величал учениками. Все они ехали на жеребцах, за исключением самого Иеремии, восседавшего на осле. Облачен самозванный епископ был в длинную холщовую рясу, белые грязные волосы свисали до пояса, а на узком умном лице читалось выражение неуловимой насмешливости. Он сложил на траву пятнадцать серебряных шиллингов, потом задрал подол рясы.

– Зри! – торжественно провозгласил он, после чего помочился на монеты. – Во имя Отца, Сына Его и еще одного, – приговаривал он, поливая серебряные кружки, потом широко улыбнулся мне. – Твоя дань, господин, немного вымокла, зато благословлена самим Господом. Видишь, как они теперь засверкали? Разве не чудо?

– Помой их, – велел я.

– А ноги тебе тоже омыть, господин?

Выходит, сумасшедший Иеремия хотел строиться на Линдисфарене?

– Он спрашивал разрешения у моего двоюродного брата? – осведомился я у Оллы.

– Не знаю, господин. Я уже много месяцев не видел Иеремии или его жуткой посудыны.

Жуткая посудины называлась «Гудс Модер»: черный, неряшливый боевой корабль, на котором Иеремия патрулировал побережье у Гируума. Я пожал плечами.

– Иеремия угрозы не представляет, – был мой вердикт. – Если он перднет в сторону севера, Константин сотрет его с лица земли.

– Возможно. – В голосе Оллы прозвучало сомнение.

Я следил, как река несет воды мимо оживленной пристани, затем за котом, который прогулялся по плану пришвартованного корабля, прежде чем спрыгнуть в трюм и поохотиться на крыс. Олла живописал моему сыну про лошадиные скачки, которые пришлось отложить из-за ухода большей части гарнизона Эофервика на юг, но я не вслушивался. Я размышлял. Определенно, разрешение на постройку нового монастыря было дано несколько недель назад, еще до того, как Константин выступил в поход. Как иначе успел бы архиепископ изготовить к отправке свои груды дерева и камня?

– Когда именно Брунульф занял Хорнкастр? – спросил я, прервав восторженный рассказ Оллы про мерина, которого он считал самым быстрым скакуном в Нортумбрии.

– Дай-ка подумать... – Он наморщил лоб и несколько ударов сердца напрягал память. – Быть может, на минувшее новолуние? Да, точно.

– А теперь луна почти уже полная, – пробормотал я.

– Значит... – начал сын, но не договорил.

– Значит, скотты вторглись несколько дней назад! – бросил я сердито. – Если бы Сигтригра не отвлекли западные саксы, что он предпринял бы, услышав про Константина?

– Выступил бы на север, – ответил Утред.

– Но он не может, потому что западные саксы пометили своей мочой все его земли к югу. Они союзники!

– Скотты и западные саксы? – В голосе сына слышалось недоверие.

– Они уже давно заключили тайный договор! Скотты забирают Беббанбург, а Церковь западных саксов – Линдисфарену. – Я был уверен в правильности своей догадки. – Это означает новый монастырь, реликвии, паломников, серебро. Скотты получают землю, Церковь – богатства.

Как позже выяснилось, кое в чем я ошибся, но в конце концов это оказалось не важно.

Олла и мой сын ошарашенно молчали. Потом Утред пожал плечами:

– И что мы будем делать?

– Поразвлечемся, – с холодной яростью сообщил я.

На следующий день мы отправились дальше на юг.

– Никакой резни, – твердо заявила моя дочь.

Я заворчал.

Сигтригра в Линдкольне не было. Оставив большую часть войска оборонять стены, он с пятью десятками воинов поскакал в Ледекестр – бург, что он уступил

Мерсии, – с просьбой к Этельфлэд. Он хотел, чтобы она повлияла на брата, короля Уэссекса, и тот отозвал бы свой отряд из Хорнкастра.

– Западные саксы мечтают, чтобы мы развязали войну, – продолжала дочь.

Она осталась в Линдкольне за главную, командуя гарнизоном из почти четырех сотен мужчин. С такой армией у нее имелась возможность дать бой Брунульфу, но Стиорра настаивала, что западных саксов следует оставить в покое.

– У тебя людей наверняка больше, чем этих ублюдков в Хорнкастре, – убеждал я.

– А может, и нет, – терпеливо возразила она. – И с другой стороны границы их еще сотни – только и ждут предлога, чтобы напасть на нас.

Вот это было правдой. Саксам в Южной Британии не один лишь предлог требовался. Им требовалось все. Когда-то мне довелось наблюдать, как почти вся земля, которую мы теперь называем Инглаландом, оказалась в руках у датчан. Длинные корабли поднимались по рекам, а воины завоевали Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию. Армии северян наводнили Уэссекс, и эта страна неизбежно уже должна была называться Данеландом. Но судьба распорядилась иначе, и теперь западные саксы и мерсийцы прокладывали путь на север, с боем и жестокими потерями. На их пути стояла только Нортумбрия Сигтригра. Когда она падет – а рано или поздно это случится, – то весь говорящий на английском языке народ окажется в пределах одного королевства. Инглаланда.

Ирония заключалась в том, что я, будучи язычником, прошел вместе с саксами-христианами от южного побережья до края Нортумбрии. Теперь, благодаря браку моей дочери с норманном, оказался в другом военном лагере. А сейчас моя дочь указывала мне, как вести себя с саксами. Вот такой поворот судьбы!

– Отец, только не задевай саксов! – приказным тоном заявила она. – Мы не атакуем их, не ведем переговоров, не угрожаем! Мы не хотим давать им повод!

Я посмотрел на ее брата, который играл с племянником и племянницей. Мы находились в большом римском доме, построенном на самой вершине Линдкольнского холма, и с восточного края расположенного при нем сада залитая солнцем местность просматривалась на многие мили. Брунульф и его

воины стояли слишком близко. Мой сын, подумалось мне, не придумает ничего лучшего, как напасть на них. Утред прямой, жизнерадостный и упрямый, тогда как Стиорра – настоящая смуглянка по сравнению со светлокожим братом – всегда отличалась уклончивостью и скрытностью. И еще умом – в мать. Впрочем, это не было доказательством ее правоты.

– Ты боишься западных саксов, – сказал я.

– Я уважаю их силу.

– Они просто запугивают нас, – настаивал я, надеясь, что не обманываюсь.

– Запугивают?

– Это не вторжение, – сердито отрезал я. – Это уловка! Они хотят оттянуть наши войска на юг, чтобы Константин смог напасть на Беббанбург. Брунульф не намерен атаковать здесь! У него слишком мало воинов. Его задача – просто держать вас на юге, пока Константин осаждает Беббанбург. Они в сговоре, разве ты не понимаешь? – Я ударил кулаком по каменному парапету ограждений сада. – Нечего мне здесь делать.

Стиорра поняла, что мое место, по моему мнению, должно быть под Беббанбургом, и коснулась моей руки как бы в намерении утешить.

– Ты полагаешь, что способен сражаться против своего кузена и скоттов?

– А что мне остается?

– Отец, у тебя не получится без поддержки нашей армии.

– Всю свою жизнь я мечтал о Беббанбурге, – с горечью проворчал я. – Мечтал отбить его. Мечтал умереть в нем. И чем занимался вместо этого? Помогал саксам отвоевывать страну. Помогал христианам! И как они мне отплатили? Вступили в союз с моим врагом. – Я обернулся к дочери и воскликнул яростно: – Ты ошибаешься!

– Ошибаюсь?

– Западные саксы не вторгнутся, если мы нападём на Брунульфа. Они не готовы. Однажды это произойдет, но не сейчас. – Я понятия не имел, правду ли говорю, просто убеждал себя, что это так и есть. – Их следует вздуть, наказать, перебить. Их нужно напугать.

– Нет, отец. – Теперь ее тон стал просительным. – Давай подождем и узнаем, о чем договорится Сигтригр с мерсийцами. Пожалуйста!

– Вторглись к нам не мерсийцы, – возразил я.

Стиорра повернулась и устремила взгляд к затянутым туманом горам.

– Тебе известно, – сказала она тихо, – что иные из западных саксов утверждают, что мир с нами не следовало заключать. Половина их витана[1 - Витан – совет из представителей знатных родов.] говорит, что Этельфлэд предала саксов, потому что любит тебя. Другая половина считает, что мир надо соблюдать лишь до тех пор, пока саксы не окрепли настолько, чтобы сломить наше сопротивление.

– И что?

– То, что жаждущие войны ждут только повода. Хотят напасть на нас. Они рассчитывают на сильную руку короля Эдуарда, и даже твоя Этельфлэд может не устоять перед зовом битвы. Отец, нам нужно время. Прошу тебя, оставь людей Брунульфа в покое. Они уйдут. Езжай в Ледекестр. Помоги там Сигтригру. К тебе Этельфлэд прислушается.

Я поразмыслил о ее словах и решил, что в них есть доля правды. Западные саксы, опьяненные недавней победой в Восточной Англии, жаждали войны, мне же эта война была не нужна. Я хотел прогнать скоттов из бербанбургских владений, но мне требовалась нортумбрийская армия, а выступить в поход на север Сигтригр сможет, только будучи уверен в мире с саксами на юге. Зять отправился в Ледекестр с просьбой к Этельфлэд в надежде, что ее влияние на брата обеспечит мир. Только вопреки настойчивым уговорам дочери инстинкт подсказывал, что дорога в Бербанбург проходит через Хорнкастр, а не Ледекестр. Это убеждение могло противоречить разуму и здравому смыслу, инстинкт – это как бегущие по заливку мурашки, которые указывают на близкую опасность. Поэтому я доверился инстинкту.

И на следующий день втайне от дочери поехал в Хорнкастр.

Хорнкастр оказался унылым местечком, хотя римляне дорожили им достаточно, чтобы выстроить чуть южнее от реки Бейна обнесенный каменными стенами форт. Дорог к нему не проложили, из чего я сделал вывод, что крепость контролировала идущие вверх по течению суда. Корабли эти должны были принадлежать нашим предкам, первым саксам. Когда-то они пересекли море и заняли новую землю. А земля была добрая, по меньшей мере на севере, где низкие горы изобиловали богатыми пастбищами. Не зря в окрестностях городка поселились два семейства данов со своими рабами. Впрочем, заняв древний форт, западные саксы тут же повелели им убраться.

- Почему даны не обосновались в форте? - поинтересовался я у Эгила.

Эгил был трезвомыслящим воином средних лет, с длинными обвислыми усами. Он родился неподалеку от Хорнкастра, но служил в гарнизоне Линдкольна командиром ночной стражи. Когда саксы только-только захватили Хорнкастр, его послали с небольшим отрядом следить за фортом. Что он и делал с безопасного расстояния, пока Сигтригр из осторожности не отозвал его обратно в Линдкольн. Я настоял, чтобы Эгил поехал вместе со мной в Хорнкастр.

- Если дойдет дело до осады, - объяснил я ему, - мне понадобится человек, который знает форт. Я не знаю. Ты - да.

- В форте когда-то жил Торстейн, - ответил Эгил. - Но он уехал.

- Почему?

- Форт затапливает река, господин. Два сына Торстейна утонули во время наводнения, и он решил, что саксы прокляли это место. Вот и уехал. По эту сторону форта течет поток многоводный, и еще река с другой стороны. Да и стены там, сзади, осыпались. Не здесь, - мы смотрели с севера, - а на южном и восточном направлениях.

- Отсюда крепость смотрится довольно внушительно, - заметил я.

Я глядел на форт и видел каменные укрепления, вырастающие над обширными зарослями камыша. На северной стороне висели на древках два стяга, и ленивый ветер разворачивал время от времени один из них, показывая дракона Уэссекса. Второй был явно пошит из более тяжелой ткани и не колыхался на ветру.

- Что изображено на штандарте слева? - спросил я у Эгила.

- Мы так и не выяснили, господин.

Я недовольно хмыкнул, подозревая, что Эгил и не пытался подобраться достаточно близко, чтобы рассмотреть второе знамя. Дым очагов поднимался над стенами и с полей к югу от нас, где, очевидно, встала лагерем часть отряда Брунульфа.

- Сколько всего там народу?

- Сотни две или три, - ответил Эгил расплывчато.

- Все воины?

- С ними еще колдуны, господин. - Он имел в виду священников.

Мы находились довольно далеко от форта, хотя дозорные со стен наверняка видели нас, наблюдающих за крепостью с невысокого холма. Большая часть моих людей расположилась в тенистом овражке позади.

- Есть тут еще строения, кроме форта?

- Пара-тройка домов, - пренебрежительно бросил Эгил.

- И саксы не пробовали пробраться дальше на север?

- Нет, господин. С первой недели, как пришли, просто сидят тут. - Эгил почесал бороду, пытаясь выскрести вошь. - Может, они и рыщут вокруг, да мы об этом не знаем. Нам приказано держаться подальше и не тревожить их.

– Возможно, это мудрое решение, – заявил я, поймав себя на мысли, что сам собираюсь предпринять нечто прямо противоположное.

– Чего же они хотят? – спросил Эгил озабоченным тоном.

– Чтобы мы на них напали.

Однако если Эгил прав и за каменными стенами укрылось две или три сотни западных саксов, то на приступ надо идти, имея по меньшей мере четыреста воинов. И зачем? Чтобы овладеть развалинами старого форта, который давно уже ничего не обороняет? Брунульф, командир западных саксов, прекрасно это понимает. Тогда чего ради торчит тут?

– Как саксы добрались сюда? – спросил я. – На кораблях?

– На конях, господин.

– И находятся за много миль от ближайших войск своих соплеменников, – произнес я, обращаясь скорее сам к себе, чем к Эгилу.

– Самые близкие в Стэнфорде.

– Далеко до него?

– Полдня верхом, господин. Приблизительно, – ответил он неуверенно.

В тот день я ехал на Тинтреге и погнал его вниз по пологому склону, миновав полосу кустов, ров и небольшое возвышение за ним. С собой я взял Финана и около дюжины дружинников, оставив прочих в укрытии. Вздумай западные саксы погнаться за нами, у нас не было бы иного выбора, как удирать в сторону севера, но они только наблюдали за нашим приближением. Один из попов присоединился к воинам на парапете. Я видел, как он поднял крест и направил его на нас.

– Проклинает, – хмыкнул я.

Эдрик, разведчик-сакс, прикоснулся к висящему на шее кресту, но промолчал. Я смотрел на полосу травы, лежащую прямо к северу от форта.

- Похоже на пастбище по эту сторону потока, - сказал я. - Вы на нем что-нибудь видите?

Зоркостью Эдрик не уступал Финану, и теперь, приподнявшись в стременах и козырьком приставив ко лбу ладонь, стал вглядываться в даль.

- Могилы? - озадаченно предположил он.

- Саксы роют что-то, - пробормотал Финан.

Мы разглядели несколько недавно насыпанных земляных холмиков.

- Хочешь я проверю, господин? - предложил Эдрик.

- Вместе проверим, - сказал я.

Мы неспешно направлялись к форту, держа щиты закинутыми за спину - знак мирных намерений. Некоторое время западные саксы довольствовались тем, что просто наблюдали, как мы обследуем пастбище, где я заметил загадочные кучи. Подъехав ближе, я увидел, что землю извлекли, копая не могилы, но канавы.

- Они тут что, новый форт сооружают? - спросил я, сбитый с толку.

- Что-то да строят, - буркнул Финан.

- Господин! - воскликнул Эдрик, но я уже увидел, как примерно дюжина всадников выехала из крепости и устремилась к броду через поток.

Нас было четырнадцать, и Брунульф, во избежание неприятностей, должен был вывести такое же число, что он и сделал. Но когда всадники достигли середины потока, где безмятежно текущая вода доходила лошадям почти до брюха, они остановились. Саксы сгрудились там, не обращая на нас внимания, и, похоже, что-то обсуждали. Затем двое вдруг развернули коней и погнали их назад к форту. Мы к тому времени находились уже на краю пастбища, покрытом сочной

после недавнего дождя травой. Направив Тинтрега дальше, я понял, что саксы не могилы копают и не строят форт. Они возводят церковь. Канавы были выкопаны в форме креста. Им предстояло стать фундаментом здания – со временем их наполовину заполнят камнями, чтобы колонны получили опору.

– Большая! – воскликнул я под впечатлением.

– Не меньше храма в Винтанкестере! – согласился не менее пораженный Финан.

Двенадцать оставшихся посланцев из форта уже выбирались из реки. Восемь были воинами, как и мы, остальные церковниками: два попа в черных рясах и пара монахов в коричневых сутанах. Воины были без шлемов, без щитов и, если не считать вложенных в ножны мечей, без оружия. Их предводитель, верхом на великолепном сером скакуне, который высоко вскидывал ноги, перешагивая через траву, был облачен в отороченную мехом темную накидку, поверх кожаного нагрудника висел серебряный крест. То был молодой человек с серьезным лицом, короткой бородкой и высоким лбом под шерстяной шапочкой. Он натянул поводья, останавливая горячего скакуна, потом воззрился на меня в молчании, будто ожидал, что я заговорю первым. А я не стал.

– Я Брунульф Торкельсон из Уэссекса, – произнес он наконец. – А ты кто такой?

– Так ты сын Торкеля Брунульфсона? – спросил я.

Вопрос сначала удивил его, затем порадовал.

– Да, лорд. – Он кивнул.

– Твой отец сражался рядом со мной при Этандуне, – объявил я. – И сражался хорошо! Много данов срубил в тот день. Он еще жив?

– Жив.

– Передай ему сердечный привет.

Молодой человек помялся. Я чувствовал, что ему хочется поблагодарить меня, но амбиции тут выходили на первое место.

- И от кого этот привет? - осведомился он.

Я чуть улыбнулся и обвел взглядом линию его спутников:

- Брунульф, ты знаешь от кого. Ты обратился ко мне «лорд», так что не притворяйся, будто не узнал меня.

Я указал на старейшего из его воинов, седого мужчину со шрамом поперек лба.

- Ты дрался вместе со мной при Фернхамме. Так?

Седой ухмыльнулся:

- Так, лорд.

- Служил у Стеапы, верно?

- Да, лорд.

- Ну так скажи Брунульфу, кто я такой.

- Это...

- Мне известно, кто это такой, - перебил его Брунульф. Потом слегка кивнул мне. - Лорд, для меня честь познакомиться с тобой.

Эти слова, пусть и высказанные сдержанным тоном, побудили старшего из двух попов сплунуть на траву. Брунульф это оскорбление оставил без внимания.

- Могу я осведомиться, что привело Утреда Беббанбургского в столь захудалое местечко?

- Хотел задать тебе тот же самый вопрос, - бросил я.

- Тебе тут нечего делать! - взял слово плюющийся поп.

То был крепкого сложения мужчина, широкий в плечах, старше Брунульфа лет на десять или пятнадцать, со злым лицом и коротко подстриженными черными волосами. От него буквально исходила властность. Его черная ряса была из лучшей шерстяной пряжи, а крест на груди горел золотом. Второй священник был намного моложе, не столь внушительный. Он явно тушевался в нашем присутствии.

Я посмотрел на старшего попа.

- И кто ты такой? - спросил я у него.

- Человек, творящий Божье дело.

- Тебе известно мое имя, - ласково продолжил я, - а еще ты наверняка знаешь и как меня прозвали.

- Сатанинским отродьем, - процедил он.

- Может, и так, - согласился я. - Но еще меня кличут убийцей священников. Впрочем, много лет минуло с тех пор, как мне в последний раз довелось выпотрошить дерзкого попа. Не мешает поупражняться.

Я улыбнулся ему.

Брунульф вскинул руку, обрывая неизбежные препирательства.

- Лорд Утрэд, отец Херефрит опасается твоего вторжения.

Молодой предводитель саксов явно не желал схватки. Говорил он вежливо.

- Как можно вторгнуться на земли своего короля? - осведомился я.

- Эта земля принадлежит Эдуарду Уэссекскому! - изрек Брунульф.

Я расхохотался. Это было дурацкое заявление, столь же возмутительное, как претензии скоттов на земли к северу от стены.

– Эта земля лежит в половине дневного конного перехода к северу от границы, – напомнил я.

– Для наших притязаний есть основание, – заявил отец Херефрит.

Голос у него был густой, враждебный, а взгляд еще менее дружественный. Я предположил, что прежде он был воином: на одной щеке шрам, а в глазах только вызов, не страх. Был он крупный, но всё сплошь мускулы, причем такие, какие развиваются за годы упражнений с мечом. Я подметил, что Херефрит остановил лошадь поодаль от спутников Брунульфа, даже от своего собрата-попа, как будто презирал их общество.

– Основание, значит, – отозвался я пренебрежительно.

– Именно, – отрезал он в ответ. – Только тебе мы ничего предъявлять не станем. Ты помет дьявола, незаконно пришедший на землю короля Эдуарда.

– Отец Херефрит – духовник короля Эдуарда, – пояснил Брунульф, явно обеспокоенный воинственностью священника.

– Отец Херефрит, – произнес я негромко, – родился у свиньи из задницы.

Херефрит уставился на меня. Мне говорили, что есть где-то далеко за морями племя, люди из которого способны убивать взглядом. Похоже, здоровяк-поп решил уподобиться им. Я отвернулся прежде, чем это стало поединком взглядов, и заметил, что второе знамя – то, которое не развевалось на ветру, – исчезло со стены форта. Мне подумалось, не собирается ли сейчас под ним военный отряд, готовясь смести нас?

– Твой королевский духовник, рожденный от свиноматки, утверждает, что у него есть некое основание. – Я обращался к Брунульфу, но смотрел по-прежнему на форт. – Что за основание?

– Отец Степан! – Брунульф переадресовал мой вопрос нервничавшему молодому священнику.

– В лето Господа нашего восемьсот семьдесят пятое, – начал тот высоким срывающимся голосом, – король Нортумбрийский Элла передал эту землю в бессрочное пользование королю Восточной Англии Освальду. Король Эдуард является ныне правителем Восточной Англии, а посему истинным и законным наследником сего дара.

Я посмотрел на Брунульфа и решил, что передо мной честный человек, который не выглядит убежденным доводами попа.

– В лето Тора восемьсот семьдесят пятое, – сказал я, – Элла был осажден своим соперником, а Освальд был не королем Восточной Англии, а игрушкой Уббы.

– И тем не менее... – начал было старший из попов, но осекся, когда я его прервал.

– Уббы Ужасного, – произнес я, глядя прямо ему в глаза. – Которого я убил на берегу моря.

– Тем не менее... – заявил Херефрит громко, как бы подбивая меня перебить его снова. – Дар был совершен, грамота подписана, скреплена печатью, и земля, таким образом, была передана. – Он посмотрел на отца Степана. – Разве не так?

– Так, – пискнул отец Степан.

Херефрит продолжал испепелять меня взглядом:

– Ты вторгся во владения короля Эдуарда, эрслинг[2 - Задница].

От этого оскорбления Брунульф поморщился, но я и бровью не повел.

– Можете предъявить свою так называемую грамоту? – спросил я.

Некоторое время никто не отвечал, затем Брунульф посмотрел на младшего из попов:

– Отец Степан?

– С чего нам доказывать что-то этому грешнику? – сердито спросил Херефрит. Он провел коня на шаг вперед. – Это ведь убийца священников, ненавистный Богу, женатый на саксонской шлюхе, изрыгающий сатанинское дерьмо.

Я почувствовал, как мои люди завозились у меня за спиной и вскинул руку, успокаивая их. Подчеркнуто не замечая отца Херефрита, я посмотрел на молодого священника.

– Грамоту легко подделать, – заявил я. – Так что позабавь меня и расскажи, почему эта земля была передана.

Отец Степан посмотрел на Херефрита, как бы спрашивая разрешения говорить, но тот не удостоил его вниманием.

– Рассказывай! – настаивал я.

– В лето Господа нашего шестьсот тридцать второе, – нервно забубнил отец Степан, – святой Эрпенвальд из Вуффингаса пришел к этой реке. Был разлив, и перебраться на другую сторону было нельзя. Тогда святой помолился Богу, ударил посохом по реке, и воды расступились.

– То было чудо, – пояснил Брунульф, стыдливо потупив глаза.

– Странно, – протянул я. – Никогда не слышал такой истории прежде. Я вырос в Нортумбрии, а парнишка-северянин вроде меня наверняка знал бы такую удивительную легенду. Мне вот известно, как тупики распевали псалмы, да и про младенца, исцелившего мать от хромоты тем, что он плюнул ей на левую сиську. Но человек, которому не требовался мост, чтобы перейти через реку, – никогда не слышал про такого!

– Полгода тому назад, – продолжал Степан, будто и не слышал моих слов, – на дне реки был найден посох святого Эрпенвальда.

– Да с тех пор прошло двести лет!

– Намного больше! – вмешался один из монахов, за что удостоился свирепого взгляда отца Херефрита.

– И его не унесло течением? – спросил я, притворившись удивленным.

– Король Эдуард решил сделать тут место паломничества, – заявил отец Степан, снова не замечая моей насмешки.

– И поэтому послал сюда воинов, – с угрозой произнес я.

– Когда церковь будет построена, воины уйдут, – с жаром пообещал Брунульф. – Они здесь только для того, чтобы защищать святых отцов и помогать в постройке святилища.

– Это так. – Отец Степан рьяно закивал.

Они ввали. Я подозревал, что их умысел – не выстроить церковь, а отвлечь Сигтригра, пока Константин прибирает к рукам северную часть Нортумбрии. А заодно развязать вторую войну, подбив Сигтригра напасть на форт. Но если это так, то почему саксы держатся так миролюбиво? Да, отец Херефрит проявляет враждебность, но я подозревал, что он из числа тех злобных и несдержанных попов, которые представления не имеют о любезности. Брунульф и прочие его спутники вели себя уважительно, стараясь не раздражать меня.

– Ты утверждаешь, что это поле – земля короля Эдуарда, – сказал я. – Но чтобы добраться до него, вам пришлось пройти через владения короля Сигтригра.

– Да, разумеется, – неохотно признал Брунульф.

– Значит, вы должны были уплатить ему пошлину, – напомнил я. – Вы ведь привезли с собой инструменты? – Я кивнул на перекрещивающиеся канавы. – Лопаты, кирки? Быть может, даже бревна, из которых будете возводить свое колдовское святилище?

Какой-то миг никто не брался ответить. Брунульф посмотрел на отца Херефрита, который едва заметно кивнул.

– Это не лишено смысла, – нервно воскликнул Брунульф. Для человека, замышляющего войну или пытающегося вызвать оную, это было удивительное признание.

– Мы обдумаем это, – жестко отрезал отец Херефрит. – И через два дня дадим тебе ответ.

Первый мой порыв – возразить, потребовать встречи на следующий день. Но было что-то странное во внезапной перемене поведения королевского капеллана. До этого момента он держался дерзко и враждебно, а теперь, оставаясь враждебным, стал вдруг подпевать Брунульффу. Херефрит дал знак, что Брунульффу следует изобразить согласие на уплату таможенной пошлины, и именно он настаивал на двух днях. Поэтому я подавил желание спорить.

– Встретимся здесь же через два дня, – согласился я. – И не забудьте прихватить с собой золото.

– Не здесь, – резко заявил отец Херефрит.

– Нет? – переспросил я мягко.

– Источаемая тобой вонь оскверняет святую землю, – процедил поп, затем указал на север. – Видишь тот лесок на горизонте? Прямо за ним есть камень. Языческий камень. – Последние два слова он буквально выплюнул. – Мы встретимся у того камня в середине утра в среду. Ты возьмешь с собой двенадцать человек. Не больше.

Снова я подавил в себе желание дать ему отпор и вместо этого кивнул.

– Нас будет двенадцать, – сказал я, – в середине утра, через два дня, у камня. Не забудьте прихватить с собой поддельную грамоту и золота побольше.

– Язычник, я дам тебе ответ, – буркнул Херефрит, потом развернул коня и поскакал прочь.

– Лорд, увидимся через два дня, – пробормотал Брунульф, явно смущенный злобой священника.

Я вновь кивнул, а потом смотрел, как все они едут по направлению к форту. Финан тоже провожал их взглядом.

– Этот желчный поп никогда не заплатит, – буркнул он. – Не заплатит даже за корку хлеба для умирающей от голода матери.

– Заплатит, – возразил я.

Только не золотом. Расплата, как я знал, будет произведена кровью. Через два дня.

Глава четвертая

Камень, у которого отец Херэфрит назначил встречу, оказался грубой колонной высотой в два человеческих роста. Он особняком стоял посреди тихой и плодородной долины в часе неспешной езды от форта. То был один из тех странных камней, что древний народ расставил по всей Британии. Некоторые из них образуют кольца, другие проходы, иные напоминают обеденный стол для великана. А многие, подобные тому, что возвышался на обрамляющем долину с юга гребне, были одинокими указателями. Мы поскакали на север от форта, следуя воловьей тропе. Подъезжая к камню, я коснулся молота на шее, недоумевая, какому богу понадобилось устанавливать камень возле тропы и зачем. Финан перекрестился. Эгил, выросший в долине Бейны, пояснил, что его отец всегда называл эту колонну «камнем Тора», но саксы «прозвали ее Сатанинским камнем, господин».

– «Камень Тора» мне больше нравится, – заявил я.

– А саксы тут жили? – спросил мой сын.

– Когда мой отец сюда перебрался – да.

– И что с ними случилось?

– Кто умер, кто сбежал. Некоторые остались здесь, рабами.

Теперь саксы мстили: чуть к северу от гребня, на котором высился столб, рядом с бродом через Бейну, чернели обгорелые развалины фермы. Пожар произошел

недавно, и Эгил подтвердил, что это одна из немногих усадеб, разрушенных людьми Брунульфа.

- Они всех прогнали отсюда, - объяснил Эгил.

- Но никого не убили?

Воин затряс головой:

- Здешнему народу сказали, чтобы до захода солнца все убрались, больше ничего. Говорят даже, что предводитель саксов извинялся за то, что ему приходится делать.

- Станный способ начинать войну, - заметил Утред, - с извинений.

- Они хотят, чтобы мы первыми пролили кровь, - проворчал я.

Мой сын пнул обгоревшую балку:

- Зачем тогда спалили усадьбу?

- Чтобы побудить нас напасть? Подтолкнуть к мести? - У меня не находилось более убедительного объяснения. Но почему тогда Брунульф вел себя так робко, столкнувшись со мной?

Воины Брунульфа сожгли главный дом, амбар и коровник. Судя по размеру пепелищ, усадьба была процветающей, а ее обитатели считали это место безопасным и поэтому не удосужились выстроить частокол. Развалины лежали буквально в нескольких шагах от реки, брод через которую был истоптан копытами бесчисленных стад, а немного выше по течению, на другом берегу реки была устроена роскошная рыба заводь. Ее отгораживала насыпь, образовавшая простенькую дамбу, благодаря которой река разлилась и получилось мелкое озерцо, затопившее окрестные пастбища. Несколько хижин остались нетронутыми - места в них с трудом, но хватило, чтобы дать нам кров, а полуобгоревшие бревна послужили пищей для костров, на которых мы поджарили бараньи ребрышки. В лесочке к югу от нас я выставил часовых, другие расположились в зарослях ивы на дальнем берегу брода.

Сына снедало беспокойство. Не раз и не два уходил он от костра к южному краю усадьбы, чтобы посмотреть на долговязый камень на горизонте. Ему мерещились люди, тени во мраке, отблески огня на обнаженных клинках.

- Не дергайся, - посоветовал ему я, после того как взошла луна. - Саксы не придут.

- Им хочется, чтобы мы так думали, - возразил сын. - Но откуда нам знать, о чем на самом деле они думают?

- Что мы дураки, - ответил я.

- И быть может, они правы, - пробормотал Утред и неохотно сел рядом с нами. Потом обернулся на юг, где в темных облаках отражалось далекое зарево костров, которые люди Брунульфа жгли в форте и на поле за ним.

- Их там сотни три.

- Даже больше, - отозвался я.

- Что, если им придет в голову напасть?

- Наши часовые дадут знать. Для этого дозорные и нужны.

- Если саксы явятся на конях, времени у нас будет маловато, - заметил он.

- И что же ты предлагаешь?

- Сняться, передвинуться на пару миль севернее.

В свете очага была видна озабоченность на лице Утреда. Мой сын не трус, но даже самый большой храбрец знает, как опасно разводить костры, способные выдать наше местоположение врагу, превосходящему нас по меньшей мере вдвое.

Я посмотрел на Финана:

- Следует ли нам передвинуться?

Ирландец криво усмехнулся:

- Ты идешь на риск, тут не поспоришь.

- И почему я так делаю?

Воины наострили уши. Редбад, фриз, принесший присягу моему сыну, наигрывал на дудочке тихую мелодию, но тут перестал и озабоченно уставился на меня. Финан ухмыльнулся, глаза его блеснули в свете костра.

- Почему ты так делаешь? - переспросил мой друг. - Да потому, что знаешь, как поступит противник, вот почему.

Я кивнул:

- И как он поступит?

Финан нахмурился, обдумывая мой вопрос.

- Эти ублюдки готовят для нас западню, так?

Я снова кивнул:

- Саксы считают себя самыми умными, и их западня должна захлопнуться послезавтра. Почему послезавтра? Потому что завтрашний день им требуется на подготовку. Возможно, я ошибаюсь и капкан захлопнется уже сегодня, да только едва ли это произойдет. Слишком рискованно. Но нам следует убедить их, будто мы ни о чем не догадываемся. Что мы ягнята, спокойно идущие на убой, и поэтому нам придется торчать здесь. Так мы будем выглядеть достаточно безобидными ягнятами.

- Бе-е-е, - произнес один из моих дружинников, и, разумеется, все тут же принялись блеять, пока усадьба не стала напоминать Дунхолм в базарный день. Всем им это показалось забавным.

Сын, не присоединившийся к веселью, выжидал, когда шум прекратится.

– Западню? – спросил он.

– Тебе нужно отдохнуть, – посоветовал ему я и сам отправился выбирать местечко, где можно преклонить голову.

Я мог заблуждаться. Лежа в густо населенной блохами хижине и слушая пение одной половины моих воинов и храп другой, я пришел к выводу, что ошибочно истолковал причины появления западных саксов в Хорнкастре. Они здесь не для того, чтобы отвлечь внимание от вторжения Константина: Эдуард не станет отрезать от Нортумбрии кусок ради нового монастыря в Линдисфарене. В один прекрасный день он рассчитывает стать королем всех саксонских земель и ни за что не уступит богатые холмы и пастбища Беббанбурга скоттам. Да и с какой стати отдавать Беббанбург, одну из самых неприступных крепостей Британии, врагу? Поэтому я решил, что это просто неудачное совпадение. Когда Константин выступил на юг, западные саксы двинулись на север, и связи между двумя этими событиями, возможно, и нет. Возможно. Но это не имеет значения. Имеет значение лишь присутствие Брунульфа в старом форте у реки.

Я думал о Брунульфе и отце Херефрите. Кто из них главный?

Думал о тех двоих, которые повернули назад и не поехали на встречу с нами.

Размышлял о знамени, исчезнувшем со стены форта.

Самым странным находил я дружеский тон наших переговоров. Обычно, если неприятели встречаются перед битвой, происходит обмен оскорблениями. Обмен этот – почти обязательный ритуал, но Брунульф держался уважительно, вежливо и смиренно. Если цель его прихода на землю Нортумбрии состоит в том, чтобы побудить нас к атаке, которая послужит Уэссексу поводом нарушить мир, то почему он не проявлял враждебности? Отец Херефрит, тут не поспоришь, был задирист, и только он один пытался пробудить во мне ярость. Другие как будто старались избежать битвы. Но если так, то зачем вообще было вторгаться?

Саксы соврали, ясное дело. Нет никакой древней грамоты, передающей этот участок земли Восточной Англии. А посох святого Эрпенвальда, если таковой вообще имелся у этого придурка, давно сгинул. И нет у них намерения отсчитывать золото в качестве пошлины. Но вся эта ложь не была вызовом. Вызовом было само их присутствие здесь, их тихое, никому не угрожающее присутствие. И тем не менее Уэссекс хочет драки? Иначе зачем приходить сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Витан – совет из представителей знатных родов.

2

Задница.

Купить: https://telnovel.me/ru/kornuell_bernard/nesuschiy-ogon

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)